ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ
ГЁТЕ
FAUST
ФАУСТ
JOHANN WOLFGANG
GOETHE

JOHANN WOLFGANG
GOETHE

FAUST

DER TRAGÖDIE

ERSTER TEIL

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ
ГЁТЕ

ФАУСТ

ТРАГЕДИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перевод с немецкого
О. Тарасовой

ОСЛН
МОСКВА
2015

УДК 821.112.2-21Гёте И. В.
ББК 84(4=432.4)5-61
Г44

Перевод *О. Тарасовой*
Предисловие *Т. Датченко*
Редактор *А. Маркин*

Г44 **Гёте, Иоганн Вольфганг (1749–1832)**
Фауст. Ч. 1 : трагедия / Иоганн Вольфганг Гёте ; пер. с нем. О. Тарасовой. – Изд. 2-е. – М. : ОСЛН, 2015. – 248 с. : ил. Впервые книга-билингва «Фауст» в переводе О. Тарасовой издана в 2003 г., изд. «Радуга».

ISBN 978-5-902484-70-7
Агентство CIP РГБ

«Фауст» – вечный сюжет о философском споре *pro* и *contra,* о выборе между «да» и «нет», который совершается не только «на небесах», но и здесь и сейчас, каждую минуту.

Новый век приводит новые имена и произведения. Перевод «Фауста» (ч. 1), созданный поэтом Ольгой Тарасовой, близок к оригиналу, звучит современно, свежо, раскованно. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

При оформлении обложки и авантитула использованы иллюстрации художника Петера Корнелиуса (1816 г.) и гравюра из книги К. Марлоу «Доктор Фаустус».

Оформление издания *А. Никулин.*

ISBN 978-5-902484-70-7

© Перевод на русский язык. О.И. Тарасова, 2015
© ОСЛН, 2015

Введение

Написать предисловие к великому произведению мировой литературы – задача непростая: так много сказано за прошедшие столетия, что не представляется возможным вновь обсуждать и критически разбирать его. Перед нами иная цель: напомнить читателю основные факты биографии Иоганна Вольфганга фон Гёте и проанализировать выполненный поэтом Ольгой Тарасовой перевод первой части трагедии «Фауст» – «одного из тех выдающихся художественных произведений, которые, доставляя высокое эстетическое наслаждение, одновременно открывают много важного в жизни» (А.А. Аникст).

Жизнь Гёте настолько богата открытиями, радостями и драмами, что до сих пор не существует ее абсолютно полного описания.

28 августа 1749 г. в вольном имперском городе Франкфурте-на-Майне под последний удар часового колокола, возвещавшего полдень, на свет появился мальчик, едва не задохнувшийся при рождении. Только усиленные старания окружающих привели младенца в чувство.

Его отец – тридцативосьмилетний Иоганн Каспар Гёте – имперский советник, доктор права, – происходил из семьи ремесленников. Исследова-

телям удалось составить родословное древо фамилии Гёте до середины пятнадцатого века: кроме портных и кузнецов, она имела в числе своих представителей поэтов, музыкантов и живописцев. Предками матери – семнадцатилетней Катарины Элизабет, урожденной Текстор, – были ученые и государственные служащие, а ее отец – шультгейс Иоганн Вольфганг Текстор – являлся высшим сановником Франкфурта.

Первенца назвали Иоганн Вольфганг. Всего у супругов Гёте было шестеро детей, но, за исключением Вольфганга и его сестры Корнелии, все они умерли в младенчестве.

Для происходившего из семьи патрициев мальчика Франкфурт представлялся центром мира. С любопытством бегал он по средневековым переулкам вокруг ратуши и собора, рассматривая импозантные дома горожан и наблюдая, как фургоны привозят товары из Франции, Италии, Голландии. Благосостояние, уют, довольство и в то же время веселье и радость на ярмарках и всевозможных празднествах – это Франкфурт середины XVIII века.

Вольфганг – ребенок с каштановыми кудрями и большими черными глазами – необыкновенно способен к языкам, под влиянием отца много читает, учится письменно излагать свои мысли, сочиняет стихи и сказки, из которых сохранилась одна, под названием «Новый Парис» (1760). Он необыкновенно быстро развивается, чему способствуют все окружающие его люди: высокообразованный отец, любящая мать, знатный дед, у которого Вольфганг – старший внук и крестник – традиционно обедает по воскресеньям.

Гёте – свидетель оккупации Франкфурта французской армией и коронации императора Иосифа II.

С октября 1765 г. Гёте – в Лейпциге, городе науки и искусства. Здесь молодой человек в полной мере испытывает радости студенческой жизни. Мечтая о филологии, по наказу отца он вынужден заниматься юриспруденцией. В Лейпциге юный поэт интересуется всем, кроме своих университетских занятий. Тяжело заболев, в августе 1768 г. Гёте возвращается во Франкфурт, а в конце марта 1770 г.

отправляется в Страсбург для продолжения юридического образования, посещает также лекции по анатомии и химии, увлекается медициной. В октябре того же года во время верховой прогулки знакомится с Фридерикой Брион – дочерью пастора из Зезенгейма близ Страсбурга. Знакомству с Фридерикой потомки обязаны циклом стихов под названием «Зезенгеймские песни». Часть из них считается утраченной, что послужило поводом для написания множества книг и даже детективных романов.

6 августа 1771 г. Гёте защищает наконец диссертацию и, получив ученую степень лиценциата, возвращается в родительский дом. Но вместо адвокатской практики его главный интерес – литература. 1771 год – официальное начало литературной деятельности Гёте. Безответная любовь к Шарлотте Буфф находит отражение в успешно-роковых «Страданиях юного Вертера» (1774). Этот роман в письмах, содержащий критику тогдашнего общества, а также драмы «Гец фон Берлихинген» (1773) и «Клавиго» (1774) – основные произведения литературного движения «Буря и натиск» (1765–1790), к которому в молодые годы примыкает Гёте.

В 1775 г. по приглашению герцога Карла-Августа Саксен-Веймарского Гёте переезжает в Веймар и поступает на государственную службу. Первые годы жизни в маленькой резиденции наполнены административными заботами, неоконченными литературными опытами и интенсивными исследованиями в области минералогии и анатомии. Важнейшей естественнонаучной находкой становится открытие им в 1784 г. межчелюстной кости у человека.

Устав от придворных интриг и собственных личных проблем, в 1786 г. Гёте совершает первое итальянское путешествие. По возвращении знакомится с девушкой из низшего сословия Христианой Вульпиус, на которой женится лишь в 1806 г., через 18 лет совместной жизни.

7 сентября 1788 г. Гёте впервые встречается с Фридрихом Шиллером, а в 1799 г. Гёте и Шиллер учреждают «Общество Веймарских друзей искусства».

Отличительной особенностью Веймарского классицизма является обращение к греческой античности, изображение прекрасного в жизни и создание идеала красоты, суть которого – спокойствие, соразмерность и моральная нравственность. Душа и характер, разум и чувства, конфликт человека с окружающим миром и историей – все это находит художественное воплощение в Веймарском классицизме. Вечные законы мироздания изображаются символически, прообразы поясняются на отдельных примерах. Идет поиск постоянства в движении и закономерности в смене событий.

К Веймарскому классицизму относятся такие произведения Гёте, как «Ифигения в Тавриде» (1779–1786), «Эгмонт» (1789), «Торквато Тассо» (1790), эпос «Герман и Доротея» (1797), роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793–1796), баллады (1797), а также «Римские элегии» (1795) и «Венецианские эпиграммы» (1796). В последующие годы страстные дискуссии вызывает роман «Избирательное сродство» (1809). В сборнике лирических стихотворений «Западно-восточный диван» (1814–1819) Гёте передает полноту любовных переживаний, соединив восточную культуру с западной. В 1821 г. завершен роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера», начатый четверть века назад. В основе «Поэзии и правды» (четыре части, 1811–1831) – собственные жизненные воспоминания Гёте. Полное собрание сочинений писателя, поэта, государственного деятеля и мыслителя – 133 тома. Ученый-универсал, титан духа и мысли в гуманитарных и естественных науках, он во всех своих изысканиях руководствовался только одной целью – познать мир в его развитии.

Иоганн Вольфганг фон Гёте скончался в Веймаре 22 марта 1832 г., днем, в половине двенадцатого. Его последние слова: «Mehr Licht!» (Больше света!).

Разностороннее творчество веймарского короля поэтов оказало огромное влияние на европейских мастеров XIX–XX веков, черпавших из его произведений, в первую очередь из самого главного — трагедии «Фауст», сюжеты для собственных книг, опер, фильмов, театральных постановок.

Связь длиною в жизнь

Тема «Фауста» сопровождала Гёте всю его жизнь. Пятилетним мальчиком увидел он «Кукольный театр доктора Фауста», вероятно, в изложении английского драматурга Кристофера Марло, переработавшего для сцены немецкую народную книгу «Иоганн Фауст – бродячий колдун и чернокнижник».

Фауст изображен в ней жадным до знаний и славы ученым. Он продает душу дьяволу, обещавшему служить ему 24 года. Не проходит и половины срока, и Фауст хочет расторгнуть договор с преисподней. Но увы! Дьяволу с помощью уловок удается раньше времени обречь его на вечное проклятие.

Первый набросок не связанных друг с другом сцен, так называемый «Прафауст», Гёте пишет еще в юном возрасте, в 1772–1775 гг. (Этот вариант опубликован лишь спустя 100 лет.)

В 1797 г. под влиянием Фридриха Шиллера Гёте вновь обращается к замыслу «Фауста». У Гёте Фауст заключает с дьяволом – Мефистофелем – не соглашение на определенный срок, а пари. Если жажда удовольствий вытеснит его стремление к познанию, то он отдаст душу дьяволу.

В повествование включена фигура Маргариты (Гретхен). Вечная борьба добра и зла, противопоставление высоких сил и собственных возможностей, сложные философские вопросы решены на жизненном, даже бытовом сюжете. История Маргариты понятна всем, а сама трагедия – прежде всего интересное произведение, читая которое в первый раз невольно задаешься вопросом: «Что дальше?»

В 1798–1806 гг. завершена первая часть трагедии, вышедшая в восьмом томе собрания сочинений издательства Котта. Однако до театральной постановки «Фауста» проходит еще двадцать лет. Премьера трагедии «Фауст. Часть первая» состоялась в Веймаре в 1829 г., к 80-летию автора. Вторая

часть, законченная в 1831 г., увидела свет рампы только в 1854 г.[1]

Как перевести «Фауста» на другой язык? Вершина мировой литературы, эталонное произведение, в зашифрованном виде отображающее историю человечества, ставит перед переводчиками, казалось бы, невыполнимую задачу, но, несмотря на это, трагедия Гёте переводилась множество раз, а история только русских переводов насчитывает более двадцати официальных вариантов.

Отдельные отрывки и сцены «Фауста» переводили В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой. Для поэтов-любомудров (под этим именем в историю русской литературы вошла группа московских литераторов 20-х годов XIX века) – Д.В. Веневитинова, С.П. Шевырева – поэзия Гёте прежде всего интуитивное познание, родственное философии. Благодаря любомудрам интерес к «Фаусту», в отличие от других произведений Гёте, со временем только возрастал. В 1831 г. семнадцатилетний поэт Э.И. Губер впервые принялся за полный перевод трагедии, который после запрещения цензурой в 1835 г. был все-таки издан в 1838 г. Затем последовали переводы М.П. Вронченко, А.Н. Струговщикова, а также два самых известных полных перевода «Фауста» XIX века: А.А. Фета, виртуозно передавший звучание стихов Гёте, и Н.А. Холодковского, считающийся классическим.

В XX веке наиболее значительны: перевод в прозе А.Л. Соколовского, частично опубликованный стихотворный перевод В.Я. Брюсова и, конечно, великолепный – Б.Л. Пастернака, благодаря которому «Фауст» прочно вошел в русскую культуру.

К 250-летнему юбилею великого поэта на Международном конгрессе переводчиков И.В. фон Гёте (август 1999, Эрфурт) был представлен новый перевод первой части трагедии, осуществленный Ольгой Тарасовой. Со време-

[1] Для написания биографии И.В. фон Гёте использованы статьи из энциклопедии «История человечества» (Chronik Verlag im Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 2000; Москва, «АСТ-Астрель», 2002) в переводе Т.Ф. Датченко.

ни перевода Б.Л. Пастернака (август 1948 – февраль 1949) прошло пятьдесят лет, и изменилась главная составляющая процесса перевода – адресат, поэтому появление свежего перевода – закономерно. Не будем сравнивать перевод О. Тарасовой с имеющимися. Архаичность Н.А. Холодковского («бродячий схоласт», «фиал», «розан молодой»), вольный стих Б.Л. Пастернака («И поцелуи напропалую, И упоенье самозабвенья, И синева») являются их особенностями. Тем более что в своей работе переводчица опиралась не на предшественников, а исключительно на оригинал. Автор стихотворных сборников «Странный год», «Мартово поле» и «Рефрен о свете», О. Тарасова приступила к переводу «Фауста», надеясь найти – для себя и для читателя – ответы на вечные вопросы: «К чему мы стремимся? Куда ведут человека его желания и устремления? Погибнем мы или выживем на границе веков и тысячелетий?»

Любой литературный труд, и особенно связанный со старинным классическим сюжетом, предполагает некоторую линию, т.е. задачу, цель, подтекст авторского послания читателю. Естественно, при анализе нового перевода «Фауста» возникает вопрос о том, зачем он был задуман и создан. Масштаб просвещенческих идей, символичность драматургии, сложность темы трагедии наталкивают на мысль, что только два объяснимых импульса могли подвигнуть переводчика на создание еще одного русскоязычного «Фауста»: поэтическое вдохновение и новый взгляд на вечный сюжет, свежее его понимание. Поэтому важно расслышать не только голос автора, но и голос переводчика, т. е. его поколения, окружающего его мира. Произведение и переводчик находятся в реальности в одно время. «Ars longa, vita brevis» («Искусство долго, жизнь короче»). Трагедия «Фауст» (как любое произведение подобного культурно-исторического масштаба) равным образом принадлежит как своей эпохе с ее центральными темами и представлениями, так и тому малому отрезку времени, в котором живет и работает переводчик. Сложность и перевода, и его прочтения заключается в том, что мы читаем «Фауста» как произведе-

ние современное нам, живое в наше время. Не удивительно, что любой перевод такого произведения превращается в «перекресток» взглядов на реальность из прошлого и из современности. Это два параллельных взгляда на проблему, на язык, ее обсуждающий, и на форму, ее представляющую. Язык «Фауста» – это язык Гёте, мысли XVIII–XIX столетий и в то же время язык, понятный нашему современнику. В этом – гениальность автора, универсализм языка и его повседневность. То же относится и к сюжету. Он интересен здесь и сейчас именно потому, что глобальный философский спор *pro* и *contra* решается не только «на небесах», как в Прологе трагедии, но и в реальное время, каждую минуту в бытовых обстоятельствах. Где и как человек познает себя, встречается со своей личностью, обнаруживает в себе силы и потребность начать внутренний диалог со своим «я» (см. сцену «Ночь») и прийти к ответу, что «Мы ничто познать не можем»? Смысл собственной жизни, ее оправдание, ее мотивы – вот в итоге та призма, через которую человек может увидеть себя и дойти до самоопределения, самопонимания, обнаружения своей собственной неповторимой цели, своей индивидуальности. Является ли человек, столь прогрессивное и развитое существо, реальным центром мироздания, или он все же порой (и очень часто), как Фауст, блуждает в иллюзии, а жизнь его управляется не им заданными, не им писанными законами? Или они оба, человек и жизнь, движутся в истории навстречу друг другу и каждая сторона вправе сказать: «Настало время, докажи на деле...» – и толкнуть человека на испытание опытом, на проживание и переживание своих стремлений, желаний, потребностей, склонностей, на испытание ценностей, выработанных годами?

До поры до времени Фауст, живущий в каждом из нас, не готов задать себе честные вопросы о том, что сделал он и в чем заключается его доля, миссия, смысл его существования. Но случается так, что наш внутренний Фауст слышит свой внутренний вопрос о смысле и цели как бы со стороны, и тогда только опыт, только «большой и малый мир» и

жизнь, в которой «лишь в деле человек неутомим», помогут ему познать самого себя, увидеть себя, познакомиться с собой как с личностью, тем самым Микрокосмом, облик которого до сих пор был неведом и, можно сказать, непредсказуем. «Фауст» Гёте – это уникальный, показательный и невероятно близкий современности пример человеческого самоанализа. И именно первая часть трагедии задает ключевые вопросы Фаусту, человеку, личности, которые приводят его на этот путь. Замысел очередного перевода «Фауста» можно понять, если оценивать его и как дань прошлому, гению Гёте, вечным вопросам, и как доступное пониманию и исполненное смыслом послание современникам.

Л.С. Бархударов писал: «Переводчик вынужден все время лавировать между Сциллой буквализма и Харибдой вольного перевода, стараясь найти между ними тот узкий, но достаточно глубокий проход, идя которым он сможет прийти к желанной цели – максимально эквивалентному переводу». Ольга Тарасова выбрала именно этот, полный опасностей путь, усложнив задачу адекватного перевода выбором наиболее сложной формы – миметической. Поэтому она все время стоит перед выбором, так как любое уточнение смысла – жертва за счет рифмы, фонетического звучания фразы. И проблема: чем можно поступиться – формой или содержанием? – становится ключевой при переводе такого глобального произведения.

Назвав «Фауста» «трагедией», Гёте экспериментировал с языком, отступив от главного принципа – единства формы – и используя все стихотворные размеры: ямбический триметр (гекзаметр) – язык античных трагедий; александрийский стих французской трагедии классицизма и немецкой барочной драмы; белый стих классической немецкой трагедии; дольники (Knittelverse) немецких рождественских мистерий. Часть трагедии написана мадригальным стихом итальянской песенной лирики. Он употребляется в разных вариациях: от двустопных до шестистопных размеров – и с различной рифмовкой. Титанический труд для переводчика!

И все же О. Тарасова последовательно стремится к музыкальной точности, стараясь соблюдать рифму, одинаковое число слогов и одинаковое ударение, что, надо заметить, в принципе возможно благодаря схожим (силлабо-тоническим) системам стихосложения немецкого и русского языков.

Mich drängt's, den Grundtext aufzuschlagen, Mit redlichem Gefühl einmal Das heilige Original In mein geliebtes Deutsch zu übertragen.	Хочу открыть святые тексты И достоверно, как мечтал, Священный сей оригинал Переложить в любимый мой немецкий.

В нижеследующей строфе переводчице удается полностью выдержать рифму, ритм и точно передать смысл:

Den nie Entsprossnen, Unausgesprochnen, Durch alle Himmel Gegossnen, Freventlich Durchstochnen?	Чудом рожденный, Неизреченный, Небом к земле низведенный, Преступно пронзенный!

Уже на этих примерах ярко видны столь сложные для перевода особенности немецкого языка:

1) нагромождение согласных, т.е. консонантная насыщенность слова: „E**ntspr**ossnen", „Du**rchst**ochnen" – «ро**жд**енный», «про**нз**енный»;

2) преимущественное ударение на первом слоге, что создает объективные трудности, преодолеть которые невозможно, реально только максимально приблизиться к оригиналу.

Von Zéit zu Zéit séh ich den Álten gérn, Und hűte mích, mit íhm zu bréchen. Es íst gar hűbsch von éinem gróßen Hérrn, So ménschlich mít dem Téufel sélbst zu spréchen.	Поро́ю мне́ так нра́вится стари́к, С ним и́збега́ю ссо́р от ве́ка, Госпо́дь так за́мечательно приви́к Обща́ться с че́ртом, сло́вно с челове́ком.

Особого внимания заслуживает система размеров трагедии и ее перевода. Для «Фауста» характерны ямбические стихи. Часто встречаются сочетания ямбических стихов с разным числом стоп. Типичны строфические построения, где правильно чередуются стихи с разным числом стоп.

Можно сказать, что они не представляли особой сложности в русском переложении:

Raphael:	*Рафаил*
Die Sonne tönt nach alter Weise	Напевом солнце оглашает
In Brudersphären Wettgesang,	Хоралы сфер и братских врат
Und ihre vorgeschriebene Reise	И предначертанно свершает
Vollendet sie mit Donnergang.	Свой круг под громовой раскат.
Faust:	*Фауст:*
Was sucht ihr, mächtig und gelind,	Что нежной властью ищешь ты,
Ihr Himmelstöne, mich am Staube?	Меня средь праха, зов пределов?
Klingt dort umher, wo weiche Menschen sind.	Где люди кротки, лейся с высоты,
Die Botschaft hör ich wohl, allein mir fehlt der Glaube.	А я хоть слышу весть, мне не хватает веры.
Mephistopheles:	*Мефистофель:*
Der Geist der Medizin ist leicht zu fassen;	Дух медицины постигают просто;
Ihr durchstudiert die groß' und kleine Welt,	Изучите большой и малый мир –
Um es am Ende gehn zu lassen,	С тем, чтобы все оставить после,
Wie's Gott gefällt.	Как Бог решил.

Гёте часто использовал дактиль. При этом он выбирал наиболее сложный двустопный дактиль с короткой, емкой строкой, таким образом ограничивая передачу сути глубоким и поэтичным перечислением ряда подобных членов речи: определений, глаголов, существительных, причастий. Этими дактилями, благодаря их распевности и особой музыкальности, в основном написаны «музыкальные»

фрагменты «Фауста»: церковные песнопения, песня солдат, песни духов.

Chor der Engel:	*Хор ангелов:*
Christ ist erstanden!	Христос Воскресе!
Freude dem Sterblichen,	Радостью смертному,
Den die verderblichen,	Взятому бренному,
Schleichenden, erblichen	Слабому, тленному,
Mängel umwanden.	Грешною сетью.
Soldaten:	*Солдаты:*
Burgen mit hohen	Замков холодных
Mauern und Zinnen,	Стены и зубья,
Mädchen mit stolzen,	Девушек гордых
Höhnenden Sinnen	Глаз самолюбье
Möcht ich gewinnen!	Я завоюю!

Для «Фауста» характерна смена равносложной системы (правильные ямбы, хореи, дактили, анапесты, амфибрахии) на акцентную, то есть при том, что ритмически сохраняется впечатление того или иного размера, ударения разделены не равным количеством слогов. Мерой стиха уже является не число слогов, а число ударений. Эта акцентная система, восходящая к национальным германским формам, появилась наравне с равносложной системой в конце XVIII века и особенно укрепилась в начале XIX века. Гёте явился одним из основоположников вольных размеров. Так, в «Фаусте» встречается вариация стиха – сочетание одного размера с другими:

Geister (auf dem Gange):	*Духи:*
Drinnen gefangen ist einer!	Внутрь попался один,
Bleibet haußen, folg ihm keiner!	Будьте снаружи, не смейте за ним,
Wie im Eisen der Fuchs	Словно лис, попав в капкан,
Zagt ein alter Höllenluchs.	Старый бес боится сам.
Aber gebt Acht!	Но берегись!
Schwebet hin, schwebet wider,	Здесь витай темным бризом

Auf und nieder,	Кверху и книзу,
Und er hat sich losgemacht.	Плененный наш, освободись.

и неравносложность внутри стиха – стяженные размеры, ярчайшим примером чего является монолог Фауста во время прогулки на Пасху:

Jeder sonnt sich heute so gern:	Каждый солнцу весеннему рад.
Sie feiern die Auferstehung	Воскресенья Господнего
des Herrn,	празднуя лад,
Denn sie sind selber	Нынче сами все словно
auferstanden,	воскресли:
Aus niedriger Häuser dumpfen	Из-под пологов душных,
Gemächern,	из низких домишек,
Aus Handswerks- und	Мастерских и ремесленных
Gewerbesbanden,	тесных,
Aus dem Druck von Giebeln und	Из-под кровель горбатых
Dächern,	и крыш,
Aus der Straßen quetschender Enge,	Из теснящих улиц на волю,
Aus der Kirchen ehrwürdiger Nacht	Из почтенного мрака церквей,
Sind sie alle ans Licht gebracht.	Вышли к свету толпою всей.
Sie nur, sieh!	Глянь, только глянь!
Wie behend sich die Menge	Как проворно гурьбою
Durch die Gärten und Felder	Все идут по садам
zerschlägt,	и полям,
Wie der Fluss in Breit und Länge	Как река непослушной волною
So manchen lustigen Nachen bewegt.	Бьет веселым в бока челнокам.

Самую большую сложность перевода стихотворного немецкого текста на русский язык представляет именно этот прием – акцентная система построения размера. Для русского читателя равносложная система стихосложения более привычна, особенно это касается классических текстов. Отступление от рамок заданного размера, его изменение, «ломка», а иногда и просто отсутствие (придание тексту звучания рифмованной прозы) определенно трудны и для восприятия текста, и для его отображения в русском языке. В данном переводе автор русского текста сознательно ставит перед собой задачу минимально отдаляться от ритмического рисунка немецкого текста, как уже было

сказано, выбирая самый нелегкий путь ее исполнения. Важно, что настоящее издание позволяет сравнить немецкий и русский тексты, поскольку при прочтении таких частей произведения именно сравнение является наиболее интересным эпизодом знакомства с новым переводом для тех, кто владеет немецким языком. Приведем еще один пример подобного рода:

Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen Tönen,
Die jetzt meine ganze Seel umfassen,
Will der tierische Laut nicht passen.
Wir sind gewohnt, daß die Menschen verhöhnen,
Was sie nicht verstehn,
Dass sie vor dem Guten und Schönen,
Das ihnen oft beschwerlich ist, murren;
Will es der Hund, wie sie, beknurren?

Aber ach! schon fühl ich, bei dem besten Willen,
Befriedigung nicht mehr aus dem Busen quillen.
Aber warum muss der Strom so bald versiegen,
Und wir wieder im Durste liegen?

Davon hab ich so viel Erfahrung.
Doch dieser Mangel lässt sich ersetzen,
Wir lernen das Überirdische schätzen,
Wir sehnen uns nach Offenbarung,
Die nirgends würd'ger und schöner brennt
Als in dem Neuen Testament.
Mich drängt's, den Grundtext aufzuschlagen,

Тише, пес, тише! Созвучья святые
Душой овладели, меня охватили.
Лаять безбожно под звуки благие.
Люди привыкли прикрикнуть, низвергнуть,
Что сложно, неясно,
Благое и то, что прекрасно,
Им проще избить, насмеяться;
Не стоит им уподобляться!

Ах! Чувствую, душа при всем желанье
Теперь молчит и тщетно упованье.
Его поток мгновенно иссякает!
Что жаждет дух и отчего страдает?
Опустошенье так знакомо.
Но есть святой родник искомый,

Надземные ценя явленья,

Мы знаем силу откровенья.
Его горенья чище нет,
Чем Новый сохранил Завет.
Хочу открыть святые тексты

Mit redlichem Gefühl einmal	И достоверно, как мечтал,
Das heilige Original	Священный сей оригинал
In mein geliebtes Deutsch	Переложить в любимый мой
zu übertragen.	немецкий.

Сложным является и однозвучие в начале слов стиха (аллитерация), к которому так часто прибегает Гёте:

Dem Helfer half der Helfer droben.

В немецком языке, благодаря артиклям, выдержать ее гораздо легче, чем в русском, поэтому перевод: «Спасавшего спасал Спаситель» – является особенно ценным.

Конечно, полностью сохранить аллитерацию оригинала невозможно:

«Ты с духом схож, какой; поймешь» (Du gleichst dem Geist, den du begreifst) – вполне допустимый вариант.

Пожалуй, в некоторых случаях можно было бы нарушить размер, выбрав более «короткий», дабы не заполнять случайными словами пустоты – «лагуны», появляющиеся в русском варианте из-за немецких артиклей и вспомогательных глаголов:

«В другой, должно быть, раз такое не удастся!» (Er wird ihn nicht so bald zum zweiten Male fangen.)

Мы начали анализ с формы перевода, но сколь ревностно О. Тарасова следит за соблюдением внешней стороны, столь щепетильна она в передаче смысла. Не полагаясь на интуицию, О. Тарасова стремилась документально подтвердить каждый сомнительный (с точки зрения перевода) фрагмент. Решить эту задачу, находясь в Москве, было невозможно, поэтому последовала переписка с ведущими гетеведами Германии и мира, стажировка в Обществе Гёте в Веймаре, работа в архивах библиотеки Анны Амалии и в архиве Гёте и Шиллера.

Наиболее удачен в работе О. Тарасовой выбор лексики. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что переводчица, как мы уже писали, – современница читателя и говорит с ним на одном языке, заботясь о том, чтобы текст был доступен каждому – вне зависимости от возраста и специальности. Показателен несколько фривольный пример:

Geschwind, dass wir das Wildbret nicht verlieren.	Быстрей! Не то мы пташек упускаем.
Die Hand, die samstags ihren Besen führt,	Рука, что по субботам дом метет,
Wird sonntags dich am besten karessieren.	По воскресеньям лучше всех ласкает.

Хотя «das Wildbret» переводится как: 1) мясо дичи; 2) дичь (самка), выбранный вариант – точнее. Ни в коем случае не опускаясь до разговорного языка, она лишь следует принципу – точность во всем, поэтому для таких строф, как:

Die Sonne tönt nach alter Weise
In Brudersphären Wettgesang,
Und ihre vorgeschriebne Reise
Vollendet sie mit Donnergang, –

выбирается – соответственно – высокая лексика:

Напевом солнце оглашает
Хоралы сфер и братских врат,
И предначертанно свершает
Свой круг под громовой раскат.

По мнению исследователей, в «Фаусте» средневековому-готическому стилю противостоит классический, а между двумя стилевыми полюсами расположено множество сцен, содержащих смешение различных художественных стилей.

«От живых разговорных интонаций до трагической патетики, от колкой эпиграммы до захватывающих душу гимнов – все богатство эмоций, которые способна выразить человеческая речь, воплощено в поэзии “Фауста”» (А.А. Аникст).

О. Тарасовой – в этом необычность ее перевода «Фауста» – удается соблюсти синтаксическую точность, она стремится к использованию тех же частей речи, что и Гёте.

Когда поэт берется за перевод, он обязан осторожно и сдержанно подходить к замене авторского оригинального словаря своим собственным, стараясь, насколько это

возможно, следовать за автором. В данном переводе практически полностью сохранены повторы – один из излюбленных приемов Гёте для выделения ключевого слова строфы.

Sie hören nicht die folgenden Gesänge,	Кому читал я *первые* напевы,
Die Seelen, denen ich die *ersten* sang;	Не слышат больше ни одной строки;
Zerstoben ist das freundliche Gedränge,	Распалась дружба, отжила, сгорела,
Verklungen, ach! der *erste* Widerklang.	Затихло эхо *первое* вдали.
Warum ein unerklärter Schmerz	Зачем непознанная боль
Dir alle *Lebens*regung hemmt?	Стремленью *жизни* преградит?
Statt der *lebendigen* Natur,	Ведь вместо *жизненной* среды,
Da Gott die Menschen schuf hinein,	В которой создал Бог людей,
Umgibt in Rauch und Moder nur	Скелетами и прахом ты
Dich Tiergeripp und Totenbein.	Оброс, как обществом друзей.
Doch werdet ihr nie *Herz zu Herzen* schaffen,	Но *сердце с сердцем* ты не сплавишь,
Wenn es euch nicht von *Herzen* geht.	Коль не от *сердца* речь идет.
Man darf das nicht vor *keuschen* Ohren nennen,	Ушам *стыдливым* называть боятся,
Was *keusche* Herzen nicht entbehren können.	К чему *стыдливые* сердца стремятся

В переводе важно избегать украшательства и, по возможности, не жертвовать отдельными частями речи. Примером тому может служить монолог Фауста в Лесной пещере:

Er **facht** in meiner Brust ein wildes Feuer	Он постоянно **раздувает** пламя
Nach jenem schönen Bild geschäftig an.	Во мне по той безмерной красоте.
So **tauml'** ich von Begierde zu Genuss,	От страсти к наслажденью я **стремлюсь**,
und im Genuss **verschmacht** ich nach Begierde.	И в наслаждении **томлюсь** по страсти.

Единственное исключение составляют те слова и выражения, которые в русском языке имеют устойчивый эквивалент. Например, в словах Мефистофеля ценность своей жены и своего дома сравнивается с ценностью жемчугов и золота. Это можно, конечно, перевести дословно. Однако здесь переводчик заменяет эпитет устойчивым русским выражением из народного и переводного фольклора: «дороже злата с серебром». В расчете на русского читателя такой перевод является не отклонением от гетевского текста, а только уточнением его мысли. Особенности национальной культуры являются надежной опорой для переводчика. Однако здесь важно сохранять грань, отделяющую читателя от страны, в которой происходит действие произведения. Имена национальных героев, легендарных мест в переводе не следует менять на аналоги языковой культуры. Ганс остается Гансом, географические названия не заменяются переводными названиями и.т.п.

«Оселком» для определения качества перевода известного произведения обычно является перевод крылатых выражений. Особенно это важно для «Фауста», который в немецкоговорящих странах цитируется почти так же часто, как Библия. Замечательны следующие примеры:

Da steh ich nun, ich armer Tor! Und bin so klug als wie zuvor;	И вот предстал глупец глупцом, Как был вначале, пред концом.
Was man nicht weiß, das eben brauchte man, Und was man weiß, kann man nicht brauchen.	Что неизвестно, вечно нужно всем, А что известно, то не нужно.
Geschrieben steht: «Im Anfang war das W o r t!» Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort?	«В Начале было Слово!» – речь в стихе. Уже запинка! Кто поможет мне?
Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat Und schreibe getrost: «Im Anfang war die T a t!»	Поможет дух! И напишу я смело, Совет приняв: «В Начале было Дело!»

Ich bin zu alt, um nur zu spielen, Zu jung, um ohne Wunsch zu sein.	Я слишком стар, чтоб забавляться, Но слишком юн, чтоб не желать.
Werd ich zum Augenblicke sagen: Verweile doch! du bist so schön! Dann magst du mich in Fesseln schlagen, Dann will ich gern zugrunde gehn!	Как только я скажу мгновенью: «Прекрасное, остановись!» Оков накладывая бремя, Ты гибелью моей явись.
Ihr sprecht schon fast wie ein Franzos.	В речах ты подлинный француз.
Allwissend bin ich nicht; doch viel ist mir bewusst.	Я не всеведущ, но – известно много мне.
Bin weder Fräulein, weder schön, Kann ungeleitet nach Hause gehen.	Не барышня и не мила! Дойду одна домой, как шла.

Мы говорили о современности, об актуальном значении трагедии Гёте «Фауст», но в большей степени задача состояла в том, чтобы рассмотреть перевод ее первой части с лингвистической точки зрения. С исторической, философской, литературоведческой – предоставим судить ученым и, конечно, читателям. На наш взгляд, труд О. Тарасовой – это удавшееся, цельное, законченное произведение, сохранившее и передавшее глубокий смысл и поэтический рисунок трагедии. Перевод О. Тарасовой радует своей свежестью, раскованностью и близостью к оригиналу. Поэт достойно владеет русским стихом, а редкие уступки слогу связаны со стремлением к максимальной точности перевода. Вопросы стиля, параметры допустимого и недопустимого всегда спорны; в стихотворном переложении уже существующей формы они спорны вдвойне.

В чем нельзя усомниться, так это в честности и ответственности автора данного перевода: перед оригинальным текстом, перед читателем, перед собой, перед русским языком как явлением. Смысл и достоинство перевода особенно проявляются при сопоставлении его с немецким текстом.

Перевод О. Тарасовой, как и переводы других поэтов, найдет своих поклонников и, возможно, противников.

Значит, трагедия, как и в прежние времена, не оставляет людей равнодушными. Каждому поколению нужен свой «Фауст», он приглашает удивляться красоте жизни, открывать ее новые грани и без иллюзий смотреть в завтрашний день. Иоганн Вольфганг фон Гёте писал о необходимости создания «нового лучшего». Это в равной степени относится и к тем переводам трагедии, которые, без сомнения, появятся в будущем.

Т.Ф. Датченко

Вступление

Вы вновь предстали, зыбкие виденья!
Давно встречал вас
мой печальный взгляд.
Не попытаться ль удержать явленье?
Неужто вновь я наважденью рад?
Вы близитесь! Вступайте ж во владенье,
Из мглы туманной мне являя ряд;
И вновь я силой юной потрясенный,
Движением волшебным окруженный.

За вами добрых дней напоминанье
И много милых теней поднялось,
И полуотзвучавшее сказанье
Любви и дружбы первой пронеслось.
И в новой боли отзвуком страданья
Безумье бега дней отозвалось
За именами светлых, что не зная
Счастливых дней, уходят, исчезая.

Кому читал я первые напевы,
Не слышат больше ни одной строки;
Распалась дружба, отжила, сгорела,
Затихло эхо первое вдали.
Толпе безвестной песня стих напела,
Но похвалы лишь страхи навлекли.
А то, что радость в песне почерпнет,
Живое – в страшном мире пропадет.

Забытая тоска овладевает
По миру духов в строгой тишине,
И стих в неясных звуках воспаряет,
Шепча Эоловою арфой мне,
Охватывает дрожь, душа рыдает,
Мягчает лед в сердечной глубине.
Все, чем владею – словно удалилось,
А что ушло – вернулось, проявилось!

Театральный пролог

Директор театра, поэт при театре, комический актер.

Директор:

Вы оба, вам со мной дано
Бывало горе знать по-братски,
Скажите, для земель германских
Чем наше дело стать должно?
Хотел бы я привлечь толпу народа,
Она живет и жить другим дает,
Сколочены подмостки, все готово,
И каждый зрелищ и веселья ждет.
Приподнятые брови, и стремятся
Их души увлекаться, удивляться.
Я дух толпы умирить не боюсь,
Но в первый раз я чувствую тревогу,
Не искушен их театральный вкус,
Хоть и прочли невероятно много.
Что сделать нам, чтоб ново и свежо
Значительное нравиться могло?
О, как бы я хотел, чтобы теснилась
И штурмовала наш порог толпа,
И с новой силой, волнами стремилась
И осаждала б узкие врата.
Нет четырех, и светлый день в разгаре,
Но к кассам пробивается народ
И, как в голодный год
за хлеб в дверях пекарен,

Так за билет и голову сорвет.
Людей так манит чудом вдохновенья
Поэт; мой друг, дерзай, настало время!

Поэт:

Не говори мне о толпе бурливой,
Чей только вид один с ума сведет,
Не поминай волну теснящей силы,
Что против воли в гущу вовлечет.
Нет, уведи в те горние теснины,
Где одного поэта счастье ждет,
И где любви и дружбе не избыться,
Творенья Бога под его десницей.

Ах! Что душа рождала сокровенно,
И что, робея, прошептал язык,
Будь плодовито иль бесплодно, бренно,
Поглотит вдруг неукротимый миг!
А в том, что годы прорастало мерно,
Однажды образ целостный возник.
Сиянье блеска живо лишь мгновенье,
А подлинное служит поколеньям.

Комический актер:

Вновь слышу я “потомство, поколенья”!
Но посвяти я им свое уменье,
Кто б современников развлек?
Скучать не любит это племя,
В судьбе ж из них любого в наше время
На подлинное есть намек.
Того, кто к людям чуток и не глух,
Не оттолкнут их смены настроенья,
Его влечет широкий круг,
Чтоб приводить их в изумленье.
Смелей! Пример подайте, ваша власть
Фантазию и хор ее прославить,

Рассудок, пониманье, чувство, страсть
И не без шутовства звучать заставить.

Директор:

А главное, побольше приключений,
Им нужно зрелищ, ярких впечатлений.
Коль на глазах у всех свершится много
Того, что видеть не случалось им,
То станешь властен над толпой народа
И ожидаем, и любим.
Лишь массовое массы увлекает,
И тот, кто ищет что-нибудь свое,
Довольным, если много предлагают,
Покинет заведение мое.
Представьте пьесу, поделив на части,
Да этаким рагу, все в вашей власти.
Легко подать и просто сочинить,
Что пользы "целое" преподносить?
Все публика распотрошит с пристрастьем.

Поэт:

Не сознаете вред такой дурной стряпни,
Ничтожнее идеи нет на свете!
Вы ж писанину возвели
В закон, как я уже заметил.

Директор:

Упрек не вызвал гнева моего.
Кому успех ценней всего,
Тот к лучшим средствам прибегает.
Неужто гордости не задевает
Кому вы пишете и что?
К нам скука гонит одного,
Другой идет, наевшись до отвала,
И, то, что хуже нам всего,

Идут сюда читатели журналов.
Их мысли далеки,
спешат как к маскараду,
И любопытства их сильнее нет,
Один лишь выход дам –
фасоны и наряды –
Спектакль без платы за билет.
С вершин и грез спуститесь чуть пониже!
Такие лица вам нужны?
Вглядитесь в публику поближе!
Бестактны, грубы, холодны!
Им не до наших игр, все в карты бы играть,
Да ночь с красоткою проспать,
чьи сладки узы.
Так можно ль ради них страдать
По вашей воле чистым музам?
Творите больше, цель поставьте далеко,
Тогда, мой друг, с пути вы не собьетесь,
Когда их с толку сбить возьметесь.
Им угодить не так легко –
Что с вами? Всплеск восторга или боли?

Поэт:

Уйди, другого поищи раба!
Певцу ль, поэту ль высшие права,
Права людские, сей природы дар,
Бездумно расточать по вашей воле?!
Чем он сердца тревожить волен,
Со всякою стихией совладав?
Гармонией души? Вселенную и мир
Он охватил и в сердце уместил.
Когда природа нитей вечных струны
Накручивает на веретено,
Все сущее в смешении безумном
Сплетается, как полотно.

Кто ровными рядами разделяет
И оживляет равномерный ход?
Кто на единство звуки вдохновляет,
На стройный хор, изысканный аккорд?
Кто в буре даст понять страстей боренье?
В заре вечерней строгой мысли свет?
На путь влюбленных в тихий час весенний
Кто молодой стрясает цвет?
Кто славу листьям лавровым дарует,
Вплетая зелень их в венки побед?
Кто стережет Олимп? Богов связует?
Людская мощь, чью весть несет поэт.

Комический актер:

Ведите эту мощь искусно
И в поэтическое русло
Направьте, словно замыслы любви.
В ней встреча, чувство, страсти искони
Силки сплетают постепенно:
Готовят счастью злые перемены –
Восторги тают, боль приходит к нам,
И глазом не моргнешь, затеялся роман.
Так дайте нам в спектакле это,
Из бурной жизни черпая сюжеты!
Не каждый знает, чем же он живет,
Но рад, когда со сцены узнает.
Картины смутны, ярки, быстры,
Во лжи мерцает правды искра,
И вот напиток закипит,
Что мир взбодрит и оживит.
Цвет молодежи будет собираться
На ваш спектакль, внимая откровенью,
Рой нежных чувств слетится напитаться
На мед меланхоличного творенья.
Оно любые мысли воскресит,

Открыв, что сердце каждого хранит.
У публики еще близки и смех, и слезы,
Возвышенное чтут,
им радость дарит свет,
Ни в чем уж косность не увидит пользы,
Но юности неблагодарной нет.

Поэт:

Дай времена прожить мне снова,
Когда я в бренный мир вступал,
Источник непрерывный слова,
Я песни пел, я созидал.
Был, как в тумане, образ мира,
Я в липких почках чуда ждал
И тысячи цветов срывал,
Заполонившие долины!
Владел лишь тем, что стоил сам:
Стремился к истине, искал обман.
Верни желания, что были
Щемящей радостью, молю,
Любви и ненависти силу,
Отдай мне молодость мою!

Комический актер:

Но юность, милый друг,
тебе скорей нужна,
Когда идешь с врагом сразиться,
Иль хороша и влюблена
На шею кинется девица.
Иль триумфатора венок
К тяжелой цели привлекает,
Иль танцевать, не чуя ног,
И ночь кутить душа желает.
Но струны лиры оживить
Рукою верною и смелой

И цель искомую сразить,
В надземных проблуждав пределах,
Почтенным людям Бог дает,
В чем вам не станет меньше уваженья.
Не старость нас к ребячеству ведет,
Детьми мы остаемся от рожденья.

Директор:
Довольно долгих разговоров,
Пора и к делу перейти!
В обмене комплиментов спорых
Вы нужное могли найти.
Что пользы слов о вдохновенье?
Его среди сомнений нет.
Поэзия живет твореньем,
Решайся к действию, поэт!
Известно, из сюжетов цепких
Сварить напиток нужно крепкий,
И более не можем ждать!
Что нынче не создал,
уж завтра не создать.
Нам дни терять недопустимо,
Нелепо случай упускать,
Когда идея уловима,
Миг творчества неповторимый
Поэт обязан удержать.

Вы знаете, на наших сценах
Все ставят, кто во что горазд,
Так не жалейте в этот раз
Машин и декораций ценных!
На небесах зажгите яркий свет,
Для звезд возьмите блеск лучистый,
Воды, огня, цепей скалистых,
Зверей и птиц – им счета нет.

И.В. Гёте «Фауст»

В дощатом, скромном нашем зданье
Круг оберните мирозданья.
Стремясь, разумно путь пройдите,
С небес сквозь землю в ад сойдите!

Пролог на небесах

Господь, небесное воинство,
затем Мефистофель.
Три архангела выходят вперед.

Рафаил:

Напевом солнце оглашает
Хоралы сфер и братских врат
И предначертанно свершает
Свой круг под громовой раскат.
Взор ангелам дарует силы,
И тайны не спадает сень,
Творенья высшие едино
Велики, словно в первый день.

Гавриил:

Быстрей вращается, быстрее
Планета дивной красоты,
Сменяется полночной тенью
Сиянье райской высоты.
И бьется плоть морских течений,
Вскипая пеною у скал,
И титаническим влеченьем
Уносит сферы вечный вал.

Михаил:

Шторма бушуют друг за другом,
С морей к земле, с земли – к морям,

Явлений цепь смыкают кругом
И топят, словно якоря.
Горит земли опустошенье,
Высвечивая путь громам.
Всевышний, вестники творенья
Подчинены твоим делам.

Все втроем:

Взор ангелам дарует силы,
И тайны не спадает сень,
Творенья высшие едино
Велики, словно в первый день.

Мефистофель:

Ты вновь, Господь, являешься сюда
Спросить, как обстоят дела на свете,
Ты рад меня увидеть, как всегда,
Так я средь прочих слуг и при ответе.
Прости, не говорю высоким слогом,
Не то бы издевался Твой предел,
Мой пафос бы Тебя смешил, бесспорно,
Когда бы рассмеяться Ты сумел.
О солнце и мирах судить не будем,
Я вижу лишь, как мучаются люди.
В любом – божок, но изменяться лень,
Так чуден человек, как в первый день.
И мог бы лучше жить при этом,
Не награди его с небес
Ты божьим светом.
Он разумом прозвал тот свет.
Разумен зверь, чьих зверств
страшнее нет.
Напоминает, с позволений Ваших,
Кузнечиков да суетных букашек,
Порхает вечно, а прервав полет,
Он песенку свою в траве поет.

И ладно б все сидел в траве, и только!
В любую дрянь сует свой нос без толка.

Господь:

Что Мне еще сказать находишь?
Лишь с обвиненьями приходишь?
Все вечно на земле не по тебе?

Мефистофель:

Да, Боже! Нахожу там все в большой беде,
Мне люди жалки в горе и страданье,
Так что же мучить их моим стараньем.

Господь:

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель:

Он доктор?

Господь:

Он мой раб!

Мефистофель:

Воистину! Таких уж не бывает.
Хлеб неземной глупца давно питает.
Его горенье гонит в дали,
Безумство он почти уже познал,
Мечтой небесной звезды стали,
И от земли услады возжелал,
И эта близь и эти дали
Не утолят в груди его пожар.

Господь:

Но если, мне служа, сбивался он,
То все равно его веду Я к свету.

Садовник знает, будет там бутон
И плод, где лист еще не знает цвета.

Мефистофель:
Вы спорите? И будет Вам утрата,
Коль Ваша воля право мне дает
Его вести путем заката!

Господь:
Пока он на земле живет,
Запрета нет, а кто стремится,
Свой путь с ошибками пройдет.

Мефистофель:
Спасибо, с мертвыми возиться
Всю жизнь меня не занимает,
А свежих полных щек румянец привлекает.
Есть я иль нет, все мертвому одно;
А я, что кошка с мышью, все равно.

Господь:
Ну, что ж! Тебе на откуп это!
Смани сей дух с его первооснов,
Веди, коль ты во мрак со света
Его с собой забрать готов.
И устыдись, когда откроешь ты,
Что человек в своих стремленьях смутных
Познал уж путь до верной высоты.

Мефистофель:
Прекрасно! Долго не продлится
Наш этот спор, мне нечего страшиться
И стоит цели лишь добиться,
Триумфом наградишь меня сполна.
Полюбит жрать он прах со дна,

Как пращур мой, как змей –
в пыли возиться.

Господь:

Свободно можешь здесь являться,
Таких, как ты, Я никогда не гнал.
Средь духов, кем должно все отрицаться,
Меня ты, шельма, мало угнетал.
Как только человек в дремоту погрузится
И предпочтет покой и тишину,
Я направляю спутника ему,
И дьявол уж не даст ему забыться.
Вы, сыновья Господней воли,
Возрадуйтесь живущей красотою!
Пусть то, что неизменно жизнь творит,
Объемлет вас любовью высшей, вечной,
А что виденьем зыбким воспарит,
Упрочьте в размышленьях бесконечных.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель (один):

Порою мне так нравится старик,
С ним избегаю ссор от века.
Господь так замечательно привык
Общаться с чертом, словно с человеком.

Первая часть трагедии

Ночь

В узкой готической келье со сводчатым потолком.
Взволнованный Фауст сидит в кресле за кафедрой.

Фауст:

Ах! Философию, закон
И медицину я познал,
Увы, забыв покой и сон,
Курс богословский изучал.
И вот предстал глупец глупцом,
Как был вначале, пред концом!
Зовусь магистром, доктором, но я,
Уж десять лет вот так живя,
Туда, сюда, и вкривь, и вкось
Вожу моих учеников за нос –
И вижу – мы ничто познать не можем!
Мне эти мысли сердце гложут.
Хотя я мудрее любого студента,
Магистра, святого отца, рецензента;
Не мучает совесть; не зная разлада,
Уже не боюсь я ни черта ни ада.
За это и отняли радость мою,

Не вижу, что истину я познаю,
Не вижу, что знанья могу прибавить,
Улучшить людей, на путь их наставить.
Добра и денег не имел,
Благами мира не владел,
Так жить и пса нельзя заставить!
Вот почему я магию стал славить,
Чтоб силой духа и ума
Мне вскрылась тайна не одна,
Чтоб в тяжком поте сих трудов
О пустоте ума не ведал слов,
Чтоб я узнал, что этот мир
Соединяет изнутри,
Познал бы семена творенья
И не копался в изреченьях.

Когда б ты видел, лунный свет,
Что мук моих здесь больше нет,
Какие я в ночной удел
Над этой кафедрой терпел.
И ты б над книгами склонялся,
Унылый друг, и мне являлся!
Ах! Мог бы я по высям горным
В твой нежный свет войти свободно,
Средь духов снизойти в лощины
Иль в сумрак твой сойти в долины,
От чада знаний отрядиться,
Росой твоею возродиться!

Что же, всю жизнь быть как в тюрьме?
В проклятой и глухой дыре,
Где и небес пречистый свет
Витражем низведен на нет!
Огороженный книжной кучей,
Червями съеден, весь в пыли,

Заваленный до сводов тучей
Бумаг, черней самой земли.
Из призм и плошек свет пролил,
Инвентарем битком забит,
Влачащий праотцовский быт –
Вот он – твой мир! И это – мир!

Вновь спросишь, что играет роль,
Что сердце боязно щемит?
Зачем непознанная боль
Стремленью жизни преградит?
Ведь вместо жизненной среды,
В которой создал Бог людей,
Скелетами и прахом ты
Оброс, как обществом друзей.

Лети ж! В далекие края!
Не есть ли полный тайны том
От Нострадамова пера
Попутчик истинный притом?
Познаешь ты стремленье звезд,
Когда природа умудрит,
И сил души расцвет и рост,
Как дух средь духов говорит.
Тщатся сухие мысли здесь
Святые знаки разъяснять!
Но вот… вы, духи, рядом есть:
Ответьте, слышите ль меня!

Он открывает книгу и видит знак макрокосма.

Какое упоенье! Краткий миг,
И образ вдруг в сознанье устремился!
Я счастье юное и жизни жар постиг,

Что в жилах и по нервам заструился.
Был это Бог, кто знаки создавал,
Что бури в сердце умиряют,
И радостью переполняют,
Ключом таинственных начал
Стихии сил природных отворяют?
Открылось мне! Я сам – творец!
Я вижу, в чистых очертаньях
Перед душой моей природы созиданье.
Теперь лишь понял, что сказал мудрец:
“В духовный мир врата открыты,
Но спит твой ум, и в сердце – смерть!
Пусть будет, ученик, омыта
В рассвет с души земная твердь!”

Рассматривает изображение.

Все здесь единство создает,
Взаимодействует, живет!
Как силы неба вниз и вверх стремятся
Ковшами злата обменяться.
Благословенными крылами
К земле влекутся небесами
В гармонии сквозь мирозданье.

Какое зрелище! И только? Ради Бога!
Как мне постичь, о вечная природа,
Твоих начал исток существованья,
Каким исходят небо и земля?
К нему в изнеможенье я
Припал испить
в столь тщетном упованье.

Раздраженно перелистывает книгу
и вдруг видит знак духа земли.

Иное действие сего клейма!
Ты, дух земли, мне явно ближе:
Я новой силою возвышен,
Пылаю вновь, как от вина.
Я в мир войти
отважной полон страсти,
Чтоб даровать ему и боль, и счастье,
С буранами вступать в сраженья
И не робеть
под скрежетом крушенья.
И тучи надо мной –
Луна скрывает свет –
И лампа гаснет –
Дымит! Лучи сверкают красным
Над головой. – И веет
От сводов ужасом!
Меня сжимает страх!
Я знаю, рядом ты, молимый дух.
Откройся же!
Ах! Разрывает сердце мне!
И чувствам новым
Мой разум отвечает зовом!
Тебе предалось сердце, как отчизне!
Ты должен! Должен!
Это стоит жизни!

Хватает книгу и произносит заклинание.
Сверкает красное пламя,
дух появляется в нем.

Дух:
Кто здесь зовет?

Фауст (отворачиваясь):
Невыносимый вид!

Дух:

Ты властно звал, исполнен веры,
Был вскормлен ты моею сферой,
И вот…

Фауст:

Нет, я не вынесу тебя!

Дух:

Сперва ты молишь непрестанно
И мой голос услышать, и лик увидать.
Мольбам ты заставляешь внять,
Я здесь! – Но что за ужас странный
В тебе, сверхчеловек! И где же зов души?
Где тот, кто мир в себе
так сотворять спешил,
И нес, и охранял? Дрожа от счастья,
Равнял свою и нашу силу власти?
Где Фауст, что меня к себе воззвал?
Все силы в бурном натиске отдал?
Ах, это ты, что под моим дыханьем
До глубины пронизан содроганьем,
Скрюкоженный, испуганный червяк?

Фауст:

Меня не свергнешь, грозный пламень!
Я – Фауст, я есть, тебе я равен!

Дух:

Средь жизни бурь и передряг
Брожу я вечно – круговерть –
Двигаюсь вволю!
Рожденье, смерть,
Я – вечное море,
Плетенье ткани

И жизни пламя:
Тку ныне стремительный времени бег
Покровом живым божеству и навек.

Фауст:
Ты, что огромный мир проймешь,
Творящий дух, как близок я с тобой!

Дух:
Ты с духом схож, какой поймешь,
Но не со мной!

Исчезает.

Фауст (падая):
Не с тобой?
Но с кем?
Я – божие подобье!
И даже не с тобой!

Стучат в дверь.

О, Боже мой! Да это ассистент, –
И призрак счастья уничтожен!
Весь мир моих видений может
Сухарь и лицемер свести на нет!

Входит Вагнер в колпаке и халате,
держа лампу в руке. Фауст, недовольный,
отворачивается.

Вагнер:
Прошу простить! Вы здесь читали
Из греческих трагедий, быть должно?
Искусство это я постичь мечтаю,

Ведь нынче ценится оно.
Я слышал, может получиться
У лицедея пастырю учиться.

Фауст:

О, да, коль лицедей – сам пастырь,
Как это приключается порой.

Вагнер:

Ах! Если ты лишь в кабинете властен,
Не видишь мир и в праздник пред собой,
Лишь в телескопе, в отдаленье,
Как словом ты добьешься управленья?

Фауст:

Без чувств не будет убежденья,
Коль речь не от души течет,
Коль не великим наслажденьем
Она людей к себе влечет.
А вы сидите, словно в клее!
И каша, сваренная вами,
Не вашим полита елеем.
И под котлом угасло пламя!
Глупцов и детворы восторг поймаешь
И при желанье поразишь народ,
Но сердце с сердцем ты не сплавишь,
Коль не от сердца речь идет.

Вагнер:

Но исполнение – успех чтеца,
Я, кажется, постиг не до конца.

Фауст:

Ищи по-честному успех!
И пустозвоном ты не будь!

Себя являют проще всех
И понимание и суть.
Коль говорить серьезно браться,
То нужно ли за словом гнаться?
Ведь ваши речи, что блестящи так,
Где вы так ловко кружево плетете,
Не утешают, как осенний мрак
И шорох ветра в лиственном полете.

Вагнер:

Бог мой! Искусство долго,
Жизнь короче,
Сомненья часто ум и сердце точат,
Возможно ль все успеть познать.
Как больно в жизни не найти дороги,
К истокам так и не дойти!
А стоит одолеть лишь полпути,
Оставит мир искатель наш убогий.

Фауст:

Пергамент ли – родник святой прохлады,
Способный нас в пустыне напоить?
Нет, жажду силы и отрады
Исток души лишь может утолить.

Вагнер:

Но как же в дух былого погрузиться?
Великим счастьем насладиться?
Понять, как размышлял еще до нас мудрец,
Но славно нами был обставлен наконец!

Фауст:

Ах, мудрость прошлого покорена?!
Мой друг, промчавшиеся времена
Есть книга за семью клеймами.

“Былого дух” – так режет слух.
По сути, он – мужей ученых дух,
Что стал былого зеркалами.
Смотреть же, правда, просто больно!
При первом взгляде отвращают нас
Завалы сора ветхого невольно
Иль, в лучшем случае, актерский фарс,
С прекрасною шаблонною системой,
Изложенной устами манекенов!

Вагнер:

Но мир! И сердце, дух людской!
Любой об этом что-то знать стремится.

Фауст:

Узнать, постичь – да Бог с тобой!
Наречь младенца и не ошибиться?
Немногих тех, кому дано познать,
Безумцев, тайну сердца не хранивших,
И чувства, душу, страх
перед толпой открывших,
Толпа рвалась и жечь, и распинать.
Но я прошу, мой друг, ночь глубока,
И мы должны теперь прерваться.

Вагнер:

А я б не прерывался никогда,
Чтоб вашим мудрым
словом наслаждаться.
Но завтра, в день Святого Воскресенья,
Задам еще вопросы, с позволенья.
Владеет рвенье мной ученого начала,
Хочу все знать, хоть и познал немало.

Уходит.

Фауст (один):

Как только не покинула надежда
Возиться вечно в пошлой ерунде,
Он рад червю, отрытому в земле,
Искатель кладов, алчущий невежда!

Да как посмел здесь голос человека
Звучать? Исчезло духов окруженье!
Но все ж благодарю за это,
Убогий сын земли, твое вторженье.
Ты вырвал из отчаянья меня,
Которое лишило бы рассудка,
Огромный исполин меня пленял,
Как карлика, и становилось жутко.
Подобье божества, уже ведь я
Себя счел истины отображеньем
И равным светозарным воплощеньям,
Чтоб сбросить шкуру бытия.
Прекрасней херувима в небесах,
Я силы влил в артерии творенья
И, созданный для высших упоений,
Все знал: какой позор за эти бденья!
Я словом громовым повержен в прах.

Я права не имел с тобой сравниться!
Явленья твоего я смог добиться,
Но удержать уж не позволил страх.
Ведь в то заветное мгновенье
Я малым был и выше всех;
Но ты жестоким отраженьем
В людской удел меня поверг.
Кто преподаст? Чего бояться?
Иль все желанья исполнять?
Когда деянья и страдания стремятся
Бег нашей жизни удержать.

Великое, что также дух рождает,
К материи непостижимо льнет,
Когда к добру сей мир мы приближаем,
Мир миражом добро зовет.
А чувства те,
что жизнь даруют красотою,
Твердеют под земною суетою.

Фантазия полет свершает свой
И, полная надежды, в вечность мчится.
Но только с ней удел разделишь свой,
О счастье счастью суждено разбиться.
И боль гнездится во глубинах сердца,
И никуда тебе не деться,
Разбудит и желанье, и покой,
Под новой маской явит облик свой,
Ее сокроет все: дом, двор, жена и дети,
Огонь, вода, кинжал и яд,
Ты страхом трепетным объят,
Оплакиваешь то, что не имел на свете.

Я ощутил, что Богом мне не стать,
Я – червь, мне только прах перерывать,
Я – тот, кто в прахе вечно проживет,
И шаг прервет, и путь свой погребет.

Не прах ли те предметы, что стеной
Пространство вкруг меня сужают,
Мир заполняют вздорной мишурой,
Старьем и молью поражают?
Я должен здесь ответ найти?
И в тысячах томов прочесть, возможно,
Что вечно человек страдал в пути,
Но здесь и там был счастлив неподложно?

Что скалишься ты, череп, на меня?
Твой мозг, как мой, всегда терзался?
Стремясь сквозь сумерки
на свет благого дня,
И в истине так горько ошибался?
В приборах все глумится надо мной:
Цилиндры, шестеренки, скобы;
Должны ключи к вратам явить собой,
И форма их сложна, но не открыть засова.
Таинственность явленья своего
Природа бережет под покровами,
Что замкнуто для духа твоего,
Не вскрыть ни рычагами, ни винтами.
Прибор старинный мне не пригодился,
Ты здесь затем, что для отца трудился,
Ты, старый свиток, только закоптился,
Пока чадил светильник и дымился.
Мне б лучше скарб убогий промотать,
Чем так изнемогать
под ветхим накопленьем!
В умении наследьем обладать –
Искусство сохранить владенье.
Ненужный груз тяжел, а важно знать,
Что нужно только то,
что создает мгновенье!
На чем и почему мой взгляд остановился?
Не фляжка ли вон та для глаз моих магнит?
И от чего мой дух так осветился,
Как будто в лес ночной
подлунный блик проник?
Достав с благоговением заметным,
Приветствую тебя, сосуд заветный!
Дар изощренной мысли докажи!
Ты, воплощение благих мечтаний
И сил смертельных лучшее созданье,

Прошу, владельцу милость окажи!
Тебя я вижу, это боль смягчает,
Прикосновенье жажду умаляет,
Спадает духа штормовой буран.
В моря гоним порывом я высоким,
Блестят у ног зеркальные потоки,
День новый манит к новым берегам.

Взлетает огненная колесница,
Ко мне парит! Я знаю, что готов
В эфир дорогой новой устремиться,
Приподнимая чистых сфер покров.
Жизнь высшая, Господне упоенье!
О, человек ничтожный, насладись!
И только от сынов земного бденья,
От милых братьев отвернись.
Сравняйся с тем, что разомкнет пределы,
Пред коими любой прокрасться рад!
Настало время доказать на деле,
Что человека боги не смутят,
Не содрогнись пред темными дуплами
Фантазии, себя повергшей в ад,
Стремись за узкими вратами,
У самых врат огни в кромешной тьме горят.
На этот шаг решайся вдохновенно,
Хотя б опасно с ним
в ничто уйти мгновенно.

Хрустальный кубок, праздничная чара,
Иди ко мне из старого футляра!
Я много лет тебя не вспоминал,
Как в дружеских застольях ты блистала,
И строгий взор отогревала –
По кругу каждый гость тебя передавал.
Мне живо образ вечера предстал

И гостя, осушающего чашу
До дна и залпом; в тех весельях наших
Я, помню, тоже ночи прожигал.
Теперь не передам тебя соседу
И остроумной не сражу победой.
Напиток, что я долго сберегал,
Пьянящей тьмою чашу наполняет.
Его создав, я выбираю,
Глоток последний смело испиваю –
Я празднику приветствие отдал!

Подносит чашу к губам.

Звон колоколов и пение хора.

Хор ангелов:
Христос Воскресе!
Радостью смертному,
Взятому бренному,
Слабому, тленному,
Грешною сетью.

Фауст:
Но что за гул и чистый светлый тон
От губ моих отводит властно чашу?
Провозглашает гулкий перезвон
Часы Пресветлой Пасхи, вновь наставшей?
Иль хоры песней утешенья залились,
Слова которой у могилы в ночь неслись,
Заветом новым прозвучавшей?

Хор жен-мироносиц:
Миром и смирной
Мы Его омыли,
Преданны смирно

В гроб уложили.
Тело укрыли
Плат и пелена.
Ах! Знаем, ныне
Нет средь нас Христа!

Хор ангелов:
Христос Воскресе!
Спас Он любовью
Испытанных скорбью,
Целебною болью –
Жизненной взвесью!

Фауст:
Что нежной властью ищешь ты
Меня средь праха, зов пределов?
Где люди кротки, лейся с высоты,
А я хоть слышу весть, мне не хватает веры;
Но чудо – плод ее лишь красоты.
Я в сферы не осмелюсь устремляться,
Что разнесли благую весть,
Пусть звону суждено
мне молодость принесть,
Зовет меня он к жизни возвращаться.
Как прежде, высший поцелуй любви
Слетал ко мне в Святое Воскресенье,
Пророчеств благовест
был полон упоенья,
И наслажденьем страстные мольбы.
Непостижимое томленье
Меня гнало бежать в леса, в поля,
В слезах горючих откровеньем
Рождался мир внутри меня!
Песнь оглашала юности блужданья
Весенних дней и счастья взмах,

Теперь сдержала сим напоминаньем
Не совершать предельный шаг.
Звучи ж благим небесным песнопеньем!
В слезах к земле я принял возвращенье!

Хор Апостолов:

Нынче Преставленный
К высям пронесся,
Жизнью прославленный,
Свято вознесся.
Вот Он все ближе
К счастью Творящего,
Ах! У земли же
Нам быть скорбящими.
Ибо оставил
Нам горе свое,
Слезно воздали
Счастье твое!

Хор ангелов:

Христос Воскресе!
Бремени тленья
Сорванной сети
Радость свершенья!
Живы хваленья,
Любви проявленья,
Братства даренье,
Странствий ученье,
Благ предвещенье,
Ибо Учитель есть,
С вами Он, здесь!

Перед воротами

Гуляющие выходят из города.

Подмастерья:
Куда сегодня днем?

Другие:
Мы в дом охотничий идем.

Первые:
Мы к мельнице хотели прогуляться.

Первый подмастерье:
Ступайте лучше на берег к мосткам.

Второй:
Нехороша дорога там.

Вторая компания:
А что же ты?

Третий:
С другими повстречаться.

Четвертый:
И пиво лучшее и девушек найдете,
Когда в село у замка вы пойдете.
И потасовки то, что надо.

Пятый:

Неугомонный весельчак,
Спина, наверно, ждет кулак?
Но я туда не сделаю ни шага.

Служанка:

Я в город лучше возвращусь. Нет, нет!

Другая:

За тополями он! Идем! Да что с тобою?

Первая:

Да мне-то в этом счастья нет,
С тобой он будет, не со мною,
С тобой он хочет танцевать,
Что ж мне за вами наблюдать?

Другая:

Он нынче будет не один,
Он говорил, кудрявый парень будет с ним.

Студент:

Глянь, славные девицы ходят!
Пойдем же! Их с тобой проводим.
Густое пиво, жгучий, злой табак,
Да девушки – вот жизни самый смак.

Девушка-горожанка:

Смотрю я на парней красивых!
И в самом деле, просто срам:
Чем девушек иметь в общенье самых милых,
Девиц предпочитают нам!

Второй студент (первому):

Не торопись! За ними две идут,

Те, что одеты так прилично.
Моя соседка тоже тут,
Что для меня небезразлична.
Они здесь медленно пройдут
И нас, глядишь, с собой возьмут.

Первый студент:
Нет, братец, нет! Стесняет это все,
Быстрей! Не то мы пташек упускаем.
Рука, что по субботам дом метет,
По воскресеньям лучше всех ласкает.

Горожанин:
Нет, мне не по душе
наш новый бургомистр!
Пришел, день ото дня смелеет быстро.
А сделал что для горожан?
Жить не становится ли горше?
Повиноваться нужно больше,
И весь товар подорожал.

Нищий (поет):
Господ достойных, дам прекрасных,
Так разодетых, всех молю!
Прошу взглянуть небезучастно
На страшную нужду мою!
И тщетной песня пусть не станет,
Блажен лишь тот, кто подает.
А день всеобщего гулянья
Пусть урожай мне принесет.

Другой горожанин:
Нет лучше ничего,
как в праздник, в воскресенье,
Поговорить о битвах, о войне,

Когда в турецкой стороне
Народы сходятся в сраженьях.
Вот выпьешь у окна стаканчик свой,
Посмотришь, флот речной
скользит по водной глади,
Вернешься радостный домой,
Чтоб благо мирных дней прославить.

Третий горожанин:
Да-да, сосед! По мне уж тоже так:
Пусть бьются головой невежды,
Все превратится в кавардак,
Но дома будет все как прежде.

Старуха (девушкам-горожанкам):
Нарядны как! Ах, молодая кровь!
Да кто ж на вас не заглядится?
Отбросьте гордость! Можно вновь
Мечтам на исполненье потрудиться.

Горожанка:
Агата, прочь! Боюсь, что не по мне
С колдуньей этой говорить при прочих,
Хотя на ночь гаданий в ноябре
Сужденого явила мне воочью.

Другая:
А вот в кристалле – моего.
Идет средь удалых солдат сражаться,
Я там и здесь, везде ищу его,
Но он не хочет попадаться.

Солдаты:
Замков холодных
Стены и зубья,

Девушек гордых
Глаз самолюбье
Я завоюю!
Труд наш отважен
Ради наград!

Пусть возвещают
Звонкие горны
Даже прощанье
С жизнью задорно.
Штурмы – на редкость!
Жизнью прорвутся!
Девушка, крепость
Точно сдадутся.
Труд наш отважен
Ради наград!
Шаг же отлажен
Бравых солдат.

Фауст и Вагнер.

Фауст:
Река, ручьи бегут быстрее,
И взор весенний льдины расковал,
В зеленой дымке день настал
С надеждой; а зима, слабея,
Вернулась в даль суровых скал.
И, уходя, лишь шлет оттуда
Крупицы зернистые легкой пургою
На зелень поля бороздами вьюги.
Но солнце белизне не даст покоя.
Всюду вершится жизни стремленье,
Жаждет во всем
возродиться цветенье,
А цветов коль довольно не будет,

Выйдут в поле нарядные люди.
Так обернись с вершин отвесных,
На город посмотри воскресный!
Из темных и больших ворот
Густой толпой идет народ.
Каждый солнцу весеннему рад.
Воскресенья Господнего
празднуя лад,
Нынче сами все словно воскресли:
Из-под пологов душных,
из низких домишек,
Мастерских и ремесленных тесных,
Из-под кровель горбатых и крыш,
Из теснящих улиц на волю,
Из почтенного мрака церквей
Вышли к свету толпою всей.
Глянь, только глянь!
Как проворно гурьбою
Все идут по садам и полям,
Как река непослушной волною
Бьет веселым в бока челнокам.
И, перегруженный до края,
Уходит вдаль последний челн,
И на тропинках гор мелькают
Наряды – всплески ярких волн.
Сюда гулянья шум доходит,
Здесь рай земной народ находит,
Воскликнут стар и млад одно:
Здесь человеком быть дано!

Вагнер:

О, доктор, с вами прогуляться
И честь, и польза для меня.
К тому же не хочу один остаться,
Чужда мне грубая возня.

Все скрипки, кегли, крик, погони –
Мне ненавистен каждый звук.
Беснуются, как будто леший гонит,
И это радостью зовут.

Крестьяне под липой
танцуют и поют.

Пастух оделся танцевать,
Венком и лентами блистать
Красиво нарядился.
Под липой собралась толпа,
Все танцевало без ума,
Смычок вовсю резвился.

Поспешно в круг проходит он,
И тут же девушку локтем
Подталкивает рьяно.
Девица свежая кружит,
"Ах, это глупо! – говорит. –
Не будьте грубияном!"

Их живо вертит хоровод,
Налево, вправо поворот,
И юбки полетели.
Румянец вспыхнул на щеках,
И жарко так в его руках –
И руки осмелели.

"Меня к доверью не склонить!
Смогли уж стольких окрутить
И, обманув, добиться!"
Но приласкал ее пастух,
Глядишь, и нет под липой двух.
Кричат, смычок резвится.

Старый крестьянин:

О доктор, с вашей стороны
Прекрасно не забыть о нас,
И в этот суматошный час
Ученый муж среди толпы.
Вот кружку молодым вином
Для вас решили мы налить!
Вручаю, пожелав при том
Не только жажду утолить:
По счету винных капель в ней
Да станет больше ваших дней!

Фауст:

Приму, благодарю и сам
В ответ всех благ желаю вам.

Люди окружают его.

Старый крестьянин:

Поистине, то – добрый знак,
Что в Светлый День
вы к нам пришли.
Ведь тяжких дней кромешный мрак
Вы прежде здесь перенесли!
Здесь кто-то жив лишь потому,
Что руки вашего отца
Душили черную чуму
И рвали жизнь из лап конца.
Тогда же, молодым еще,
Ходили вы по всем домам
И, хоть смертей был страшен счет,
Здоровым выходили к нам.
Вы – испытаний победитель:
Спасавшего спасал Спаситель.

Все:

Здоровья, верный человек,
Чтоб вам спасать людей вовек!

Фауст:

Склоняйтесь перед Высшим, Тот,
Уча спасать, спасенье шлет.

Идет с Вагнером дальше.

Вагнер:

Какое чувство, о почтенный муж,
Должно дарить такое почетанье!
Счастливец тот, кто дарованьем
Такой себе составил куш!
Ты – малым детям в подражанье,
Любой с вопросом норовит,
Танцор стоит, смычок молчит,
Идешь – рядами все стоят,
И шапки в воздух уж летят,
Вот-вот колени преклонят,
Как будто их благословят.

Фауст:

Еще пройдем до той скалы наверх
И от ходьбы передохнем на круче.
Я часто думал там вдали от всех,
Молитвой и постом себя измучив.
Надежды полон, верой тверд,
В слезах, тоске, ломая руки,
Молил Творца спасти народ,
Остановить чумные муки.
Мне от хвалы толпы теперь хоть сгинь.
О, если б мог в душе моей прочесть ты,
Как мало и отец, и сын

Заслуживают этой чести!
Отец был темен в знании своем,
И над природой и ее священной сферой,
По совести и умудренный верой,
Корпел причудливым трудом.
В сообществе своих адептов
Алхимик в кухню уходил
И по бесчисленным рецептам
Немыслимую смесь творил.
«Лев» – окись ртутная –
жених отважный –
Соляной кислотой овладевал –
Невестой «лилией»; огонь их дважды
В покое брачном смешивал, терзал.
Являясь в ярком многоцветье,
“Царевна–дочь” сливалась в штоф,
Не снадобьем была,
а пациентам смертью,
Никто не спрашивал, кто стал здоров.
Так мы со страшным дьявольским отваром
В долинах и на перевалах
Страшней чумы входили в раж.
Я тысячам больных давал отраву эту,
Их нет, но восхвален всем светом
Убийца дерзновенный ваш.

Вагнер:
Как можете вы так терзаться?!
Достойный муж не все ль свершил,
Чтоб ремеслом, что получил
В наследство, столь прилежно заниматься?
Коль в юности отца ты почитал,
То будешь им с отрадой принят;
Коль мужем став, ты знанья умножал,
Твой сын тогда цель большую достигнет.

Фауст:

О, кто надеется, блажен,
Восстать из моря лжи, из пены душной!
Что неизвестно, вечно нужно всем,
А что известно, то не нужно.
Но полно; столь прекрасный добрый час
Нельзя губить такой печалью!
Смотри, заката пламенный окрас
Коснулся кровель, крон и далей.
Уходит солнце, гаснет день опять,
Спешит светило, новой жизнью движет,
Нет крыльев от земли меня поднять
И к солнцу устремиться ближе, ближе!
В закате вечном подо мной
Я видел бы, как мир затихший
Сжигал вершины, в долы нес покой,
Серебряный ручей,
златой поток проливший!
И что в полете крыльям божества
Не помешают скалы и обрывы,
И как морские теплые заливы
Вдруг поражают зоркие глаза.
Но время божеству за край спуститься,
Иной порыв срывает тень,
Сим вечным светом
устремлюсь напиться,
За мною ночь и предо мною день.
И небо надо мной, а подо мною волны.
Прекрасен сон, он быстро солнце скрыл.
Ах! Не сыскать мне воплощенных крыл,
Чтоб крылья духа моего дополнить.
Но это в каждом есть с рожденья:
Все чувства ввысь устремлены,
Когда над нами, в синеве затерян
Звон жаворонковой струны.

Когда над кроною еловой
Орел, простершись, воспарит
Или над озером и долом
Журавль к родине летит.

Вагнер:

Порой я шел за странностями следом,
Но мне такой порыв еще неведом.
Луга, леса – как этот вид знаком,
Я не завидую размаху крыл широких.
Полет души несет в предел высокий:
С листа на лист, из тома в том!
Тогда и ночи зимние теплей,
И благодать и счастье не уходят,
Ах! Рукопись читать возьмись, за ней
Святые небеса к тебе нисходят.

Фауст:

Познав один порыв в душе своей,
К другим уж не желай стремиться!
Ах! Две души живут в груди моей
В порыве друг от друга отделиться.
Одна замкнулась плотью на земле
В любовном упоенье страстью.
Другая к высям восстает во мгле
К своим предшествующим братьям.
Вы, духи, властны в вышине,
Меж небом и землей,
как в море волны,
Сойдите в золотых лучах ко мне
И уведите к новой жизни полной!
Да был бы плащ волшебный у меня,,
И нес меня в чужие страны!
Его менять тогда не стал бы
На одеянье даже короля.

Вагнер:

Не призывайте всем известных сил,
Вокруг парящих и в надземной сфере,
Посланников опасностей на мир
И бед в неисчислимой мере!
Дух севера оскалится, придет,
Колючим языком лизнет холодным;
Иссохший дух с востока нападет,
Изгложет легкие тебе,
как будто зверь голодный.
То полдень с юга из пустыни шлет
Палящий жар и зной, ты словно пойман,
То запад благодатно дождь прольет,
Но вдруг затопит и поля, и поймы.
В беде, заслышав наши голоса,
Внимают нам и лгут нам неустанно,
То, словно их послали небеса,
Нам шепчут ангельски обманно.
Идемте! Ночь крадется по полям,
И холодно, и лег туман.
Под вечер тянет в дом, к покою.
Но что ж ты встал
и смотришь пред собою?
Что в этих сумерках тебя заворожило?

Фауст:

Пес черный, видишь ты,
как полем закружил он?

Вагнер:

Да, вижу уж давно, не важен он, поверь.

Фауст:

Точней смотри! Так кто же этот зверь?

Вагнер:

Да пудель, что своих хозяев ищет,
Вынюхивая их следы.

Фауст:

Заметил, он кругами словно рыщет
За нами, ближе с каждой борозды?
И, коль не ошибаюсь, завитками
Бежит огонь с ним по полям.

Вагнер:

Я вижу: черный пудель перед нами,
У вас, должно, оптический обман.

Фауст:

Магические петли, мне сдается,
К дальнейшей связи он плетет у ног.

Вагнер:

Нет, испугался он и носится, и вьется,
Нас встретил, а найти хозяина не смог.

Фауст:

К нам словно смерч его принес!

Вагнер:

Вы видите: не призрак, только пес!
Ворча и сомневаясь, лег, виляет,
Все по-собачьи исполняет.

Фауст:

Иди же к нам! За мной, скорей!

Вагнер:

Дурашливый какой-то зверь.

Остановись, тебя он ждет,
Коль скажешь, за тобой пойдет,
Все, что потеряно, поднимет,
За палкой сразу в воду прыгнет.

Фауст:

Да-да, ты прав; от духа ничего,
Не вижу в нем, все выучка его.

Вагнер:

Схоласт и педагог оценит,
Коль пес дрессуре не изменит,
Он милость завоюет в тот же миг,
Студентов друг и верный ученик.

Они входят в городские ворота.

Кабинет Фауста I

Фауст (входит с пуделем):

Покинул я луга и пашни,
Их мрак укрыл в вечерний час,
Душа во мгле предчувствий страшных
Святое пробуждает в нас.
Уснули дикие порывы
Неистовых борений вновь;
Любовь ко всем заговорила,
Явилась высшая любовь.

Тише ты, пудель! Полно носиться!
Что ты нюхаешь у порога?
Время, право, за печку ложиться,
Вот подушка; потише немного!
Забавно прыгал ты на воле,
Мою не вызывая злость,
Теперь прими мои условья,
Как смирный и желанный гость.

Ах! Только в нашей узкой келье
Вновь лампа мягкий свет прольет,
Душа и сердце все яснее
Любое чувство узнает.
И разум обретает слово,
Цветет надежда, как поток,
Ты жизнь воспринимаешь снова,

Ах, ищешь вновь ее исток.
Тише, пес, тише! Созвучья святые
Душой овладели, меня охватили,
Лаять безбожно под звуки благие.
Люди привыкли
прикрикнуть, низвергнуть,
Что сложно, неясно,
Благое и то, что прекрасно,
Им проще избить, насмеяться;
Не стоит им уподобляться!

Ах! Чувствую, душа при всем желанье
Теперь молчит и тщетно упованье,
Его поток мгновенно иссякает!
Что жаждет дух и отчего страдает?
Опустошенье так знакомо.
Но есть святой родник искомый,
Надземные ценя явленья,
Мы знаем силу откровенья.
Его горенья чище нет,
Чем Новый сохранил Завет.
Хочу открыть святые тексты
И достоверно, как мечтал,
Священный сей оригинал
Переложить в любимый мой немецкий.

Открывает том и принимается
за работу.

“В Начале было Слово!” – речь в стихе.
Уже запинка! Кто поможет мне?
Таких высот не может слово значить,
Я должен передать иначе,
Коль озарил меня духовный смысл.
Написано: “Была в Начале Мысль!”

Обдумай, чтоб строка не сбилась
И чтоб перо не слишком торопилось!
Неужто мыслью все сотворено?
“Была в Начале Сила!” – быть должно.
Но что-то мне подсказывает, право,
Оставить так я не имею права.
Поможет дух! И напишу я смело,
Совет приняв: “В Начале было Дело”.

Ты еще воешь; рядом со мною,
Пудель, хватит скуленья!
Хватит мне лая!
Неугомонному шалопаю
Я мешать себе не позволю.
Кто-то должен прочь
Удалиться в ночь.
Визит прерву твой, коль угодно,
Открыта дверь, ступай свободно.
Зрелище вижу какое!
Может ли впрямь быть такое?
Тени это? Иль правда все?
Мой пудель ввысь и вширь растет!
Он мощью весь налит.
Нет, это не собачий вид.
Я призрак в дом привел, быть может!
На бегемота стал похожим:
Глазища горят, открыта пасть.
О, раньше б знать напасть!
Исчадье ада пресечем
Лишь “Соломоновым ключом”.

Духи (в коридоре):
Внутрь попался один!
Будьте снаружи, не смейте за ним!
Словно лис, попав в капкан,

Старый бес боится сам.
Но берегись!
Здесь витай темным бризом
Кверху и книзу,
Плененный наш, освободись.
Каждый, кто сможет,
Выйти поможет!
Всем духам разрушенья
Он делал одолженье.

Фауст:
Зверя осилить деянья
Есть четырех заклинанье:

Саламандра пылает,
Ундине извиться,
Сильф испарится,
Кобальд дерзает.

Кто б не осилил
Эти стихии,
Тайных сил
Не покорил,
Не был бы мастер
Над духами властен.

В огне развейся,
Саламандра!
Реками бурными слейся,
Ундина!
Засверкай метеором,
Сильф!
Дай домовых сил,
Инкуб! Инкуб!
Проявись и вновь свернись!

Главных материй
Нет в этом звере,
Лежит, осклабился во тьму,
Я боль не причинил ему.
Так слушай сей раз
Суровей приказ.

Верно, из пекла
Ты выбежал к свету?
Гляди же на символ,
Сражает чья сила
Полчища темных!

Шерсть встала дыбом,
он стал огромным.

Падшая сущность!
Кто в знаке насущном?
Чудом рожденный,
Неизреченный,
Небом к земле низведенный,
Преступно пронзенный!

Прыгнув за печь, тут же он
Вырос, надулся, как слон,
Пространство занял все собой
И норовит расплыться дымом.
Лезет под крышу, а ну-ка постой!
Лечь немедля к ногам господина!
Не просто грожу,
гонец преисподней,
Опалю, этот знак – пламя Господне!
Не жди же, нет,
Трехипостасный свет!

Не жди же, нет,
Сильнейшее, что призову я!

Когда дым рассеивается, Мефистофель выходит из-за печи, одетый как странствующий студент.

Мефистофель:
Зачем шуметь? Чем вам служить могу я?

Фауст:
Вот чем по сути пудель был!
Бродячим школяром?
Забавный, право, случай.

Мефистофель:
Приветствую, ученый муж! Нет сил!
Ну, вдоволь ты меня намучил.

Фауст:
Как звать тебя?

Мефистофель:
Уж мелковат вопрос,
Чтоб задал тот, кто слово презирает,
Кто удален от внешнего всерьез
И суть вещей постичь желает.

Фауст:
У вас и существо обычно
Из имени прочесть привычно,
Где четко ваш указан род,
И вас "мушиный бог",
"губитель", "лжец" зовет,
Так кто же ты тогда?

Мефистофель:

Я часть той силы, что,
Всегда желая зла, всегда творит добро.

Фауст:

Что за слова загадочные вдруг?

Мефистофель:

Я отрицанья вечный дух!
Я справедлив; всему, что родилось,
Цена, чтоб вовсе извелось;
И лучше б не рождалось. Вами
Все то, что названо грехами,
Уничтоженьем, проще – зло –
В моей стихии проросло.

Фауст:

Зовешься частью?
Ты же весь передо мною?

Мефистофель:

Я просто истины не скрою.
Лишь человек – безумный, мелкий мир –
Себя единым возомнил.
Я часть той части, что в начале всем была,
Часть темноты,
что свет на свет произвела,
Тот гордый свет, что хочет матерь ночь
В значенье и пространстве превозмочь.
Не выйдет ничего, поскольку вечно он
Телами плотными сцеплен.
От тел стремясь, им красоту дает,
В движенье телом схвачен только,
И, я надеюсь, ждать недолго,
Как он с телами вместе пропадет.

Фауст:

Понятен мне твой долг достойный!
Разрушить в целом неспособен,
Так начинаешь с мелких дел.

Мефистофель:

И не во многом, право, преуспел.
Небытию врагом прослыл
Противник Нечто – пошлый мир,
И что я не предпринимал бы,
И чем его не донимал бы,
Штормами, встрясками, огнем –
Земле и морю словно нипочем!
Проклятый сброд,
звериный и людской приплод,
Его не взять любою волей.
И скольких я уже угробил!
Но вечен крови молодой круговорот.
Таков наш мир, с ума сойти бы тут же!
Из воздуха, воды и суши
Прорвались тысячи ростков
В сухом, холодном, жарком, влажном!
Не завладей я пламенем однажды,
То мне бы не нашелся кров.

Фауст:

Итак, ты вечному движенью
Святых творящих высших сил
Со злобою и раздраженьем
Напрасно кулаком грозил!
Так поищи себе другое
Занятье, беспорядка сын!

Мефистофель:

Об этом вправду мы с тобою

В другой же раз поговорим!
Могу теперь я удалиться?

Фауст:

Не вижу никаких преград.
Узнал я, кто ко мне явился,
Захочешь, приходи, я рад.
Вот выход, вот окно, вот двери
И дымоход тебе открыт.

Мефистофель:

Признаюсь только! Выйти прочь из кельи
Мне малая помеха не велит:
Стопа друидов над порогом.

Фауст:

Ах, пентаграмма не дает?
Скажи мне, под каким предлогом
Тогда сюда прошел ты, хитрый черт?
Что обмануло дух бесовый?

Мефистофель:

Вот посмотри! Знак плохо нарисован,
И внешний угол, выходя наверх,
Как видишь, приоткрыт отчасти.

Фауст:

Сегодня это, верно, к счастью!
Ты пленник, исключен побег?
Вот так случайная удача!

Мефистофель:

Вбегая, пудель не заметил незадачи;
Но дело состоит в другом:
Не может черт оставить дом.

Фауст:

Но почему в окно не прыгнуть?

Мефистофель:

Там, где проник, ты должен дом покинуть –
Гласит чертей и призраков закон.
Сначала мы вольны,
но после – точно в рабстве.

Фауст:

Законы есть и в темном царстве?
Так хорошо, коль выйдет заключать
Вдруг договор с такими господами!

Мефистофель:

Ты все возьмешь, обещанное нами,
Никто ничто не станет отнимать.
Но с кондачка не сделать это,
Обсудим в следующий раз;
Я заклинаю просто вас
Меня пустить на волю в этот.

Фауст:

Еще одно мгновенье! Я стремлюсь
Услышать доброе сказанье!

Мефистофель:

Пусти меня теперь! Когда вернусь,
Исполню я твое желанье.

Фауст:

Да я тебя и не ловил,
Ты сам собой в силок попался.
Держи, коль черта ухватил!
В другой, должно быть, раз такое не удастся!

Мефистофель:

Ну что ж, останусь, так и быть,
Я общество тебе составлю
С условьем этот час прожить,
Как я его тебе представлю.

Фауст:

Посмотрим. Что ж, пора начать;
Ты только мне не дай скучать!

Мефистофель:

Тому, как чувства кратким часом
Пополнишь годовым запасом,
Мой друг, по праву подивись.
Что духи нежные расскажут
И те красоты, что покажут,
Не просто игры волшебства.
И обонянье насладится,
И вкус и жажда усладится,
И после чувство восхитится.
Нам подготовки не нужны,
Мы вместе и начать должны!

Духи:

Пусть исчезают
Темные своды!
К духам тоскующим
Синий, чарующий
Льется эфир!
Тучи растают,
В далях мрачнея!
Звезды мерцают,
Солнца нежнее
Светят на мир.
В высях движенье

Неба созданий
Вольно паренье,
Крыл колыханье.
Полны томленья
Духов желанья.
Туники взмыли,
Складками всплыли,
Земли укрыли,
Скрыли беседки;
В кущах зеленых
В страсти сгорают
Пары влюбленных.
Тесны беседки!
Вьюн прорастает!
Гроздья же с веток
Зрелость свалила
В чаны, в давила.
Хлынули в реки
Пенного брода
Вина и воды,
В землю, в породы,
Вниз, через горы
Рвутся потоки,
Льются в озера
Бурные токи,
Почву питают,
Птиц собирают.
Стаи напьются,
К солнцу взовьются
Над островами,
Теми, что дремлют.
Воды волнами
Их мерно колеблют.
Там, на просторах,
Слышатся хоры,

Кто-то ликует,
Кто-то танцует,
Вольно, кругами
Бродят лугами,
Иль покоряют
Серые горы,
Иль уплывают
Вдаль по озерам
И воспаряют
К жизням далеким,
К сводам высоким,
К звездам взлетают,
К тайнам блаженств.

Мефистофель:
Он спит! Эфира нежные созданья!
Ему вы убаюкали сознанье!
Я перед вами за концерт в долгу.
Нет, ты еще не тот, чтоб черта заарканить!
А вы ведите иллюзорный танец,
Он в наважденье, как во сне.
А пентаграмма преграждать не станет,
Крысиный зуб поможет мне.
Не долго заклинать придется,
Вот крыса слышит и сюда крадется.

Крыс господин и царь мышей,
Лягушек, мух, клопов и вшей
Зовет. Зверь нужен, чтоб помог
И этот обглодал порог,
Его я маслом пропитал –
Да вот и ты уж прибежал!
Живей! Вершина, пред которой я стою,
На самом крепится краю.
Немного! И конец страданьям.

Что ж, Фауст, дальше спи, до скорого
свиданья!

Уходит.

Фауст (просыпаясь):

Да что же, я обманут снова?
Духовный мой порыв пропал,
Так что, во сне был черт без зова
И пудель даже убежал?

Кабинет Фауста II

Фауст, Мефистофель.

Фауст:
Стучат? Входи! Кто беспокоить может?

Мефистофель:
Вновь я.

Фауст:
Войди!

Мефистофель:
Сказать три раза должен.

Фауст:
Входи же!

Мефистофель:
Как ты мне по нраву!
Надеюсь, мы поладить сможем!
Твоей хандры рассеять ношу
Я здесь, одет, как франт, на славу:
Весь в красном, с золотой каймою,
С плащом из шелка за спиною,
С пером петушьим на полях
И с длинной, острой
шпагой в ножнах.
Совет, короче говоря:

Оденься так же, сколь возможно,
Освободись и развяжись,
Узнаешь, что такое жизнь.

Фауст:

В любой одежде буду ощущать
Земную жизнь и в ней терзаться.
Я слишком стар, чтоб забавляться,
Но слишком юн, чтоб не желать.
Что мир мне даст в распоряженье?
Познай лишенья! Знай лишенья!
Вот нескончаемый напев,
Что в уши каждому звенит,
Что жизнь до хрипоты запев,
Нам ежечасно голосит.
Я просыпаюсь в ужасе, готовый
Горючими рыдать слезами,
Встречая день,
что не исполнит снова
Ни одного, ни одного желанья,
Которое само спешит
Сужденьем ледяным ответить,
Творения моей души,
Дразня, гримасничая, встретить.
Я должен, как сойдет на землю ночь,
Бояться на постели растянуться;
Без отдыха не превозмочь
Кошмары, что пугать вернутся.
В груди моей живущий Бог
Внутри волнует – глубже, ближе,
Возвыситься над силою Он смог,
Но внешним Он ничем не движет.
И потому мне только в тягость быть,
Желанна смерть
и ненавистно жить.

Мефистофель:

И все ж не может смерть
приятным гостем слыть.

Фауст:

Блажен, кому она в победном блеске
Венец кровавый у висков свивает,
Кого она в разгульном всплеске
В объятьях женских обретает!
О, будь я унесен от жизни прочь,
Пред силой духа восхищенный!

Мефистофель:

Но кое-кто в ту памятную ночь
Состав не выпил замутненный!

Фауст:

Так, шпионаж, похоже, по тебе.

Мефистофель:

Я не всеведущ, но – известно много мне.

Фауст:

Коль из тревоги небывалой
Знакомый, милый звук тянул,
Но детских чувств остаток малый
Звучаньем прежним обманул,
Я проклинаю все, что ловит
Соблазном душу в сеть химер,
Что слепотой и лестью гонит
Ее в печаль глухих пещер!
Проклятье всем высоким мненьям,
Какими разум наш объят!
И ослепленью от явлений,
Проникших в чувства, словно яд.

И лицемерящим мечтаньям,
И памяти, и славы лжи!
Тому, что льстит нам обладаньем
Сохи, раба, детей, жены!
Мамон будь проклят,
тот, что златом
Влечет на дерзкие шаги
И развлеченьям, и разврату
Устраивает очаги!
Бальзаму винному проклятье!
Проклятье высшей той Любви!
Надежде, Вере! И проклятье,
Терпенье, прежде всех, прими!

Хор духов (незримо):
Горе! Горе!
Ты погубил
Прекрасный мир,
Под властной рукою
Он пал! Ты разбил!
Разрушил, полубог, терзая!
Мы, взлетая,
Уносим в никуда руины,
Рыдая
Над утерянной красотою.
Властен ты,
Рожден землею,
Сотвори,
Создай чудесней
Мир в своей груди!
Новую жизнь
Начни
С легкой душою,
Новые песни
Сердцем прими!

Мефистофель:

Крохи все эти
Мне как дети.
Слушай, как зовут к делам,
Мудрые не по летам!
В мир далекий
Тебя, одинокий,
В ком чувства и плоть застыли,
Теперь поманили.

Оставь играть своей тоскою,
Она клюет, как коршун, жизнь твою!
Ты ощутил средь низкого сословья,
С людьми, людскую суть свою.
Тебя я не стремлюсь
Толкать к отбросам диким.
Хоть я не из великих,
Но лишь с тобой сойдусь,
Коль решишься идти со мною,
Согласен, усилий не скрою,
Быть твоим, тотчас и сразу.
И жду я приказа.
И коль угожу,
Значит, я раб твой, значит, служу!

Фауст:

И что твоя услуга стоить может?

Мефистофель:

Воды до срока много утечет.

Фауст:

Нет, нет! Всегда эгоистичен черт
И ради Бога не поможет,
Не соблюдая свой расчет.

Внеси в свои условья ясность!
Такой слуга приносит в дом опасность.

Мефистофель:

З д е с ь буду я слугой неутомимым,
Лишь ты кивнешь, забуду я покой,
И тем же т а м, в мирах незримых,
Сполна расплатишься со мной.

Фауст:

Что т а м , меня не беспокоит;
Тебе лишь мир разрушить стоит,
Возникнет новый мир за ним.
Мне на земле источник ликованьям,
И солнце светит здесь моим страданьям,
Настанет час для расставанья,
И будь что будет пусть засим.
Я слышать больше не намерен,
Где место злобе и любви,
И есть ли там, в надземной сфере,
Низы раздельно и верхи.

Мефистофель:

Рискни, коль так ты размышляешь,
На наш союз! Ты в эти дни узнаешь
Сноровку с радостью мою,
Тебе невиданное подарю.

Фауст:

Ты – дьявол, что твое уменье?
Дух человека и его стремленье
Такой, как ты, не мог постичь!
Чтоб не насытив, все же накормить,
Червонным златом одарить,
Что тут же растечется под рукой?

Или безвыигрышной игрой?
Той, что на грудь ко мне прильнет
И приглядит себе соседа?
С тобой триумф ко мне придет?
Иль слава пролетит бесследно?
Дай плод, что вянет, прежде чем сорвешь,
Деревья что ни день с иной листвою!

Мефистофель:
Так порученьем не спугнешь.
Весь этот клад придет со мною.
Но время, милый друг, спешит к тому,
Чтоб мы смогли приятным насладиться.

Фауст:
Пусть стоит только мне
в ленивом сне забыться,
Да будет то, что я приму!
Лишь так солжешь, что в обольщенье
Хвалу я сам себе воздам,
И лишь обманешь наслажденьем –
Мой смертный день наступит сам!
Пари держу!

Мефистофель:
Идет!

Фауст:
Так по рукам!
Как только я скажу мгновенью:
“Прекрасное, остановись!” –
Оков накладывая бремя,
Ты гибелью моей явись!
Звон похоронный зык затянет,
Свободен ты с того же дня.

На циферблате стрелка станет,
И минет время для меня!

Мефистофель:
Обдумай все! Мы это не забудем.

Фауст:
На то имеешь право ты,
И не был я преступно безрассуден,
Коль настоял идти в рабы –
Тебе ль, другому, в том нет сути.

Мефистофель:
На пиршестве у доктора сегодня ж
Я как слуга свой долг исполню.
Одно лишь! Ради клятвы полной
Мне только пару строк заполнишь.

Фауст:
Педант, что хочешь ты, чтоб я писал?
Иль ты не знал людей и цену слов не знал?
Неужто мало сказанным словам
Над жизнью вечно властвовать моею?
Но мир изменчив, словно океан,
Пускай же клятва мной владеет!
Такой самообман в сердцах сокрыт!
Кто ж от него освободится?
Счастливец верность чистою хранит
И жертвою не сокрушится!
Пергамент с подписью и оттиском страшит,
И всякий призрака его боится.
На перьях слово умирает,
Печати миром управляют.
Что ж от меня злой дух желает?
Бумагу, мрамор, медь, пергамент?

Пером, резцом иль стилем расписаться?
Свободно можешь выбирать.

Мефистофель:
Что за резон тебе опять
В словах столь жарко распаляться?
Вот лист бумажный наготове.
Ты распишись одной лишь каплей крови.

Фауст:
Хоть шутовство твои условья,
Пусть, если хочешь, состоятся.

Мефистофель:
Ведь кровь совсем особый сок.

Фауст:
Не бойся, наш союз не развенчаю!
Стремленье сил моих – залог
Всего того, что обещаю.
Кичиться слишком я посмел,
Да только сам твоей породы.
Великий дух меня презрел,
Сокрыта от меня природа.
Но разорвалась нить мышленья,
Давно я к знаньям полон отвращенья.
Пусть жар страстей,
горенье в их огне,
Смиряет чувственность в глубинах!
Покровы чар неодолимых
Пусть чудеса готовят мне!
Бросимся в омут времен с головой,
Схлестнемся со своей судьбой!
Пусть наслажденье с болью,
Успех и горе

Сменяются одно другим,
Лишь в деле человек неутомим.

Мефистофель:

Вам нет ни меры, ни преград.
Чем лакомиться захотите,
Что на лету схватить решите,
Получите для всех услад.
Будь смел со мной, а не застенчив!

Фауст:

Послушай же, о радостях нет речи.
Отдамся пылу,
наслажденью в крайней боли,
Влюбленной злости, укрепляющему горю.
От рвенья к знаньям в сердце исцеленном
Искусственно страданию не скрыться,
И всем для человечества сужденным
Внутри, в себе хочу я насладиться,
Всем духом высшее и низшее исполнить,
Грудь счастьем мира и бедой наполнить,
И внутренне на широту его разлиться,
И вместе с ним,
в конце концов, разбиться!

Мефистофель:

О, верь мне, грыз я этот хлеб суровый,
Тысячелетьями крошил,
Еще никто с пелен до гроба
Закваски старой не переварил!
Поверь таким, как я: все это
Для Бога создано! Он сам
Находится в сиянье вечном света,
Кромешный мрак Он предоставил нам,
А день и ночь сгодятся вам.

Фауст:

Я все один хочу!

Мефистофель:

Да, это ценно! В одном я сомневаюсь только:
Жизнь коротка, искусство долго.
Совет позвольте дать мне дельный:
Станьте в душе вы поэтом отчасти,
Пусть размышляет и странствует тоже,
Пусть всяких благородных качеств
Вам с честью обрести поможет:
Отвагу львов,
Стремительность оленя
И юга пламенную кровь
С нордическим терпеньем.
Пусть тайну связи он разрушит
Коварства и великодушья,
И вдруг в порыве лет горячих
По плану вам любить назначит.
Мне самому бы такого узнать
Да "Господин Микрокосмос" назвать.

Фауст:

Что я, когда не суждена уж честь
Венчаться мне на царство мира,
К чему души стремятся силы?

Мефистофель:

В конце концов, ты тот, кто есть.
Надень себе парик с мильоном завитушек
Иль туфли длинные фасонов лучших,
Ты будешь вечно тем, кто есть.

Фауст:

Похоже, я напрасно изощрялся

И добывал сокровища ума,
Коль в самый миг,
чтоб с жизнью распрощаться,
Нет больше сил, душа моя пуста.
И ни на волос я не выше,
И к бесконечному не ближе.

Мефистофель:

Ты смотришь, милый мой, на вещи,
Как только принято смотреть;
Пока же радость жизни плещет,
Толковей нужно преуспеть.
Вот, черт возьми! Ведь руки, ноги,
И голова, и зад – твои;
Дары блаженства все, в итоге,
Неужто менее мои?
Купи я шестерых коней,
Не мне ль их силы принадлежны?
Будь резвость этих ног моей,
Помчусь поверх земель и между.
Живей! Раздумья оставляй
И в этот мир со мной вступай!
Скажу тебе: философы, ей-ей,
Что скот на верещатнике засохшем,
Кружащийся безумно средь полей,
Когда вокруг – луг, зеленью поросший.

Фауст:

С чего же мы начнем?

Мефистофель:

Уйдем отсюда прочь.
Здесь пыток камера, точь-в-точь!
Что значит жить здесь: сам скучаешь
Да всем студентам докучаешь!

Сосед-толстяк на то! Желаешь
Себя пустым и дальше занимать?
Мальчишкам лучшее, что знаешь,
Ведь ты не волен преподать!
Один, уж слышу, в коридоре!

Фауст:
Принять его я не могу.

Мефистофель:
Бедняга ждал, нельзя же вскоре
Уйти расстроенным ему.
Дай плащ и шапку без раздумий!
Наряд быть должен мне к лицу.

Переодевается.

Все предоставь лишь остроумью!
Мне нужно четверть часика, поверь,
Иди и соберись в прекрасный путь теперь!

Фауст уходит.

Мефистофель (один в длинной одежде Фауста):
Презри же разум и познанья путь,
Мощь человека высшую забудь.
Дай ослепленью, чародейству
Тебя осилить ложным действом –
И будешь полностью моим!
Ему строптивый дух судьбой подарен,
Стремленьем необузданным томим,
В безумном вечном рвенье в дали
Он чужд всем радостям земным.
Он в жизни дикой и бездарной,
В ничтожной низости всего

Меня цеплять и дергать станет,
Но в ненасытности его
Еда с питьем для алчных губ растает,
Напрасно утоленья взмолит он:
Не сдайся даже черту, он не встанет,
Пропасть и сгинуть осужден!

Входит ученик.

Ученик:
Недавно я сюда пришел
И счастлив тем, что вас нашел,
И что услышу и узнаю,
Кого с почтеньем мне назвали.

Мефистофель:
Учтивость мне приятна очень!
Таких, как я, немало, впрочем.
Вы осмотрелись, чтоб понять?

Ученик:
Я вас прошу меня принять!
Я так надеюсь, и вполне
И сил, и денег хватит мне.
Мать и вовсе меня отпускать не хотела,
Да желание толку набраться владело.

Мефистофель:
Так лучше места не сыскать.

Ученик:
По правде, тянет уж сбежать:
Ведь в этих стенах, в этих залах
Навряд ли будет мне по нраву.
Здесь тесно, словно в узкой лавке,

И ни деревьев нет, ни травки,
А в залах, на скамьях, так сразу
Теряешь зренье, слух и разум.

Мефистофель:
Привычка ко всему ведет.
У матери младенец грудь
И то не сразу ведь берет,
Но вскоре ест – не оттянуть.
Так будет влечь вас с каждым днем
Грудь мудрости к себе потом.

Ученик:
Я вас обнять готов; в душе отрада!
Скажите только, что мне делать надо?

Мефистофель:
Так дайте прежде мне ответ,
Какой избрали факультет?

Ученик:
Хочу изрядно обучиться,
Мне охватить бы умудриться,
Что на земле есть и на небе,
Природы и науки суть.

Мефистофель:
Тогда избрали верный путь.
Нельзя лишь предаваться лени.

Ученик:
Примусь и телом и душой,
Однако был бы я доволен
Досуг иметь хоть небольшой
По летним праздникам привольным.

Мефистофель:

Цените убегающее время!
К тому приучит распорядка бремя.
Мой друг, совет могу вам дать
По курсу логики начать.
Отдрессирован будет разум,
В сапог испанский стянут сразу,
Чтобы степенно по пути
Мышленья медленно идти.
Чтоб вкривь и вкось и без следа
Он не блуждал туда-сюда.
Затем научат вас тому,
Как повседневному всему,
Что знал, как пищу, искони, –
Раз! Два! Три! – нужен счет внутри.
С фабрикой мыслей возможно сравнить
Ткацкий станок, зацепляющий нить.
Вступают сотни нитей в ход,
Челнок, туда-сюда снующий,
На ткани, нитями текущей,
Десятки сотен петель вьет.
Философ выступит затем
И разъяснит, что движет всем:
“Коль первым – так, второе – так,
То три, четыре – значит, так,
Коль первое, второе стерты,
Не быть и третьему с четвертым”.
Ученики возносят этот слог,
Но стать ткачом еще никто не смог.
Кто хочет живое понять, описать,
Берется прежде дух изгнать,
Частями владеет, познать устремясь,
Но жаль! Исчезает духовная связь.
Encheiresin naturae – так это взялась
Химия звать, над собою смеясь.

Ученик:
Не ясно мне, хоть я вас слушал.

Мефистофель:
Поверьте, дальше будет лучше,
Когда редукцию поймете,
Классифицировать начнете.

Ученик:
Кошмар! Кружится голова!
В ней словно ходят жернова!

Мефистофель:
Затем, и прежде остального,
Учите метафизики основы!
И плод глубоких ваших дум
Простой людской не примет ум,
А что сойдет иль не сойдет,
То красное словцо спасет.
Но распорядок соблюдать
Должно в семестре
главным стать!
По пять часов занятий в день;

Быть по звонку, оставить лень!
Коль подготовили урок,
Параграф зазубрили впрок,
Поймете, лектор вам потом
Дает не больше – тот же том.
Пишите все ж прилежною рукой,
Как если б диктовал вам Дух Святой!

Ученик:
Да, мне напоминать не стоит!
Я думаю, как это важно:

То, что записано однажды,
Не вырубить, возьмешь с собою.

Мефистофель:
Но изберите факультет!

Ученик:
Юриспруденцией не стану заниматься.

Мефистофель:
На это мне не стоит обижаться,
Я знаю, в чем наук таких секрет.
Закон с правами вечным тленьем,
Наследьем язвенным живет,
Ползет от поколенья к поколенью
И земли в оборот берет.
Смысл стал уж вздором, мукой – благо,
Тебе, несчастный внук, страдать!
О тех правах, что жизнь смогла создать,
Знать никому, увы, не надо.

Ученик:
Сильнее стало убежденье,
Тот счастлив, кто у вас в ученье!
Займусь я теологией, возможно.

Мефистофель:
Вас не хочу направить ложно.
С наукой этой вот что обстоит:
В ней трудно путь фальшивый уличить,
Такими дозами здесь яд сокрыт,
Что от лекарств его не отличить.
Так лучше слушать вам кого-то одного
И присягнуть словам его.
Вообще: придерживайтесь слова!

Вам будет верная основа
В храм убежденности вступить.

Ученик:
Но ведь должно в словах понятье быть.

Мефистофель:
Пусть так! Но мучиться
на этот счет не надо.
Когда с понятьями неладно,
То слово может вовремя вступить.
Словами превосходно спорить,
Системы на словах готовить,
В слова прекрасно верить можно,
И слово обесценить сложно.

Ученик:
Простите, я уж спрашивал о многом,
Но должен снова затруднить,
О медицине вас просить
Хотя б одно словцо замолвить.
Три года – очень малый срок,
Простор, о Боже, так широк.
Коль указуют путь тебе,
К нему душа твоя готова.

Мефистофель (в сторону):
Сухая речь приелась мне,
Теперь играю черта снова.

Вслух.

Дух медицины постигают просто;
Изучите большой и малый мир –
С тем, чтобы все оставить после

Как Бог решил.
Напрасно собрались в познании блуждать,
Здесь учат то, что в силах изучить;
Важней в достойной нише встать,
Мгновенье улучить.
Вы хороши, ни дать ни взять,
И дерзость вряд ли вам изменит,
Тому, кто верит сам в себя,
Другие души тоже верят.
Учитесь дам уважить прежде!
Звучащий "ох" да "ах" для вас
Сто тысяч раз
Лечить всегда одним и тем же.
Коль обходительность проявишь,
Ты всех потом в силок поймаешь.
Ваш громкий титул верить их заставит,
Что мастерства искусней не найдут,
И, принят с теплотой,
искать наш лекарь станет
Все то, что многие годами ждут.
Вы пульс прощупаете споро,
Лукавым опалите взором,
Свободно убеждаясь сам,
Насколько стянут гибкий стан.

Ученик:
Вот это лучше! Все понятно тут.

Мефистофель:
Теория суха, мой милый друг,
Но древо жизни зеленеет.

Ученик:
Клянусь, я как во сне
и будто чудом веет!

О, мог бы я обременить вас снова,
Чтоб слушать вашей мудрости
основы?

Мефистофель:
Все, что смогу, я сделать должен.

Ученик:
Уйти так просто невозможно!
Могли бы роспись
в мой альбом на память
В знак вашей милости оставить?

Мефистофель:
Извольте!

Пишет и отдает альбом ученику.

Ученик (читает):
“Eritis sicus Deus,
scientes bonum et malum”.[1]

Закрывает альбом и почтительно откланивается.

Мефистофель:
Тому, что пращур-змей сказал,
и ты последуй тоже,
И жуткий страх тебе внушит
твое подобье Божье!

Входит Фауст.

[1] «Будете, как боги, знающие добро и зло».

Фауст:
Куда же мы теперь?

Мефистофель:
Куда б ты ни решил.
Увидим малый и огромный мир.
Сколь выгоды и наслажденья
За счет такого обученья!

Фауст:
С моею длинной бородой
Нет жизни легкой, удалой.
Мне не удастся эта проба,
Я не был в мир уйти готовым.
Средь прочих низок и смешон,
Я буду вечно пристыжен.

Мефистофель:
Мой друг, все человеку удается,
В себя уверуешь, уменье жить найдется.

Фауст:
Как пустимся мы в путь далекий?
Где лошади, слуга, карета?

Мефистофель:
Мы развернем мой плащ широкий,
И нас он понесет по свету.
Свершая смелый шаг такой,
Лишь не бери узлов с собой.
Огонь повеет мой, и нас с тобою
Поднимет сразу над землею,
Сколь мы легки, столь быстро улетаем;
Ну что ж, тебя я с новой жизнью
поздравляю!

Погреб Ауэрбаха в Лейпциге

Компания веселящихся гуляк.

Студент по прозвищу Фрош[2]*:*
Никто не пьет? И не смеется?
Мне вас учить куражиться придется!
Закисли, словно кочаны,
Когда б огнем гореть должны.

Студент по прозвищу Брандер[3]*:*
Из-за тебя! Давно бы задал всем,
Ни глупостей,
ни свинства нет совсем.

Фрош (выливая ему на голову стакан вина):
Так получи же!

Брандер:
Вот свинья!

Фрош:
Просили сами, сделал я!

Зибель:
Кто ссорится – за дверь иди!

[2] Фрош – прозвище студента первого курса.
[3] Брандер – прозвище студента второго курса.

Давай-ка круговую, пей, ори!
Гей! А-ла-ла!

Альтмайер:

Вот черт! Он все разрушит!
Где вата? Раздерет мне парень уши.

Зибель:

Коль звук от сводов отражен,
Почувствуешь, как бас силен.

Фрош:

Вот так! Обидчивых не пустим впредь!
А-тара-лара-да!

Альтмайер:

А-тара-лара-да!

Фрош:

Готовы глотки петь.

Поет.

Имперский римский трон святой,
Уже ль еще ты прочен?

Брандер:

Дрянь песня! Тьфу! Политику – не сметь,
Дурной напев! Благодарите Бога,
За римский трон не ваша все ж тревога!
По крайней мере
мне досталось счастье жить,
Ни кайзером, ни канцлером не быть,
Но между нами нужен кто-то главный,
Давайте Папу изберем мы славно.

Известно, что дает успех,
Решает все, возносит всех.

Фрош (поет):
Соловей, скорей взлетай,
Тысячи приветов милке передай!

Зибель:
Приветом не балуй! И слушать я не стану!

Фрош:
Привет и поцелуй! А ты мне не наставник!

Поет.

Прочь засов! – и ночь придет.
Прочь засов! – любимый ждет.
На засов! – рассвет взойдет.

Зибель:
Ну, ладно-ладно, пой и восхваляй ее!
В свой час я посмеюсь, похоже.
Меня уж провела, с тобой случится то же.
Пусть с нею леший, суженый судьбой,
На перекрестке флиртовать посмеет,
И, с Блоксберга отправившись домой,
Козлом "спокойной ночи" ей проблеет!
Достойный парень, и какой ни есть,
Не велика ль для девки честь?
Один привет я знаю точно:
Повыбить окна ей – и точка!

Брандер (ударяя по столу):
Послушайте же, господа!
Вы знаете, я жить умею!

Пришли влюбленные сюда,
За все страдания тогда
Вам должное воздать сумею.
У песни новенький покрой!
Припев подхватите со мной!

Поет.

Селилась крыса в погребке
Средь масла и уюта,
Растила сало на брюшке,
Как славный доктор Лютер.
Тут яд кухарка ей дает;
И крыса свет не узнает –
Как от любовной страсти.

Хор ликующе:

Как от любовной страсти.

Брандер:

Несется прочь, бежит кругом
И пьет из каждой лужи,
Грызет, царапает весь дом –
Становится все хуже.
В испуге прыгает теперь,
Но утомился бедный зверь,
Как от любовной страсти.

Хор:

Как от любовной страсти.

Брандер:

С испугу среди бела дня
На кухню прибегает,

Упав, трясется у огня
И тяжело вздыхает.
Кухарка веселится вслух:
“Ага! Видать, исходит дух,
Как от любовной страсти”.

Хор:
Как от любовной страсти!

Зибель:
Горазды дурни веселиться!
Занятья, что ли, нет верней,
Чем бедной крысе дать травиться!

Брандер:
Что? Крысы в милости твоей?

Альтмайер:
Ты там! Толстяк с макушкой лысой!
От горя стих и присмирел,
Видать, свое в распухшей крысе
Отображение узрел.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель:
Пред всеми прочими делами
Сведу тебя с весельчаками.
Увидишь, как легко возможно жить,
Им что ни день
за праздник может слыть.
Не остроумны, но довольны,
Несется каждый в танце круговом,
Что твой котенок за хвостом.
Коль голове не слишком больно

И коль хозяин в долг нальет,
Им весело, им все сойдет.

Брандер:
С дороги только что. Обычно
Заметно по манере непривычной.
Здесь меньше часа, говорю.

Фрош:
Резонно. Да, ты прав,
наш Лейпциг я хвалю,
Он – маленький Париж, свою породу лепит!

Зибель:
А кем считаешь тех двоих?

Фрош:
Позвольте! За наполненным стаканом
Всю подноготную о них
Я вам на божий свет достану.
Должно, из дома знатного, и больно
Уж гордо выглядят и недовольно.

Брандер:
Клянусь, что это шарлатаны!

Альтмайер:
Как знать.

Фрош:
Ну, Фрош их задерет!

Мефистофель (Фаусту):
Народец черта не смекнет,
Хоть их хватать за шкирку станет.

Фауст:
Приветствуем господ!

Зибель:
Спасибо, вам поклон!

Тихо, взглянув искоса
на Мефистофеля.

Вот отчего прихрамывает он?

Мефистофель:
Присесть к столу
мы просим разрешенья.
Должно отсутствие хорошего вина
Воздать приятное общенье.

Альтмайер:
Избалованы, прям беда.

Фрош:
Вы что, из Риппаха теперь явились?
На ужин заглянули к Гансу-дурачку?

Мефистофель:
Сегодня не зашли к нему,
Но в прошлый раз
мы с ним разговорились.
Он много о родне нам рассказал,
И каждому из них поклоны передал.

Кланяется Фрошу.

Альтмайер (тихо):
Что, съел! Он понял все!

Зибель:
Да, продувной субъект!

Фрош:
Ну, погоди! Пощады нет!

Мефистофель:
Не ошибусь, сказав, что мы
Прервали стройный хор приходом?
Прекрасны звуки быть должны
Отражены под этим сводом.

Фрош:
Вы, может, сами музыкант?

Мефистофель:
О, нет! Порыв силен, но слабоват талант!

Альтмайер:
Так спойте песню!

Мефистофель:
Спою вам, право дело!

Зибель:
Но новенькое что-нибудь!

Мефистофель:
Мы из Испаньи держим путь,
Страны вина и сладостных напевов.

Поет.

Жил-был король когда-то,
Король с блохой дружил.

Фрош:

Блохой! Слыхали? Суть понятна вам?
И я привык к таким гостям.

Мефистофель (поет):

Жил-был король когда-то,
Король с блохой дружил.
Наследником и братом
Он так не дорожил.
Зовет портного к трону,
Портной тотчас пришел:
«Ты другу дорогому
Сшей брюки и камзол!»

Брандер:

Приказ не позабудьте для порядка,
Чтоб точно мерил ваш портной,
Коль дорожит он головой,
Пусть брюки не ложатся в складки!

Мефистофель:

В шелках, парче и злате
Красуется блоха,
На лентах и на платье
Кресты и ордена.
Блоха министром стала,
Ей вручена звезда,
Пора родне настала
Пробиться в господа.

Где фрейлины, вельможи?
Их мучит боль и страх,
У королевы кожа –
В укусах и рубцах.
Блох раздавить боятся,

Так род их стал велик.
Но мы, посмей кусаться,
Задушим в тот же миг!

Хор (ликующе):
Но мы, посмей кусаться,
Задушим в тот же миг!

Фрош:
Браво! Вот прекрасно! Бис!

Зибель:
Чтоб с каждою блохой так обошлись!

Брандер:
Цельсия с ходу, ей все одно!

Альтмайер:
Восхвалим свободу! Восхвалим вино!

Мефистофель:
Я выпить был бы рад
да чествовать свободу,
Коль меньше б вина здесь напоминали воду.

Зибель:
Не стерпим слов такого рода!

Мефистофель:
Хозяин воспротивится, боюсь,
А то б я дал гостям почтенным
Дары подвалов наших ценных.

Зибель:
Давай! А я уж разберусь.

Фрош:
Дадите добрых вин –
похвалим, только чтобы
Не слишком малы были пробы!
Чтоб дегустатором мне быть,
Немало в глотку нужно влить.

Альтмайер (тихо):
Должно быть эти двое с Рейна.

Мефистофель:
Достаньте-ка бурав!

Брандер:
А он-то вам зачем!
Не бочки же стоят у вас за дверью.

Альтмайер:
Хозяйский ящик вот, он с инструментом всем.

Мефистофель (взяв бурав, Фрошу):
Ну, что угодно пить, назначьте?

Фрош:
Как вас понять? Так много их у вас?

Мефистофель:
Исполню выбор сей же час.

Альтмайер (Фрошу):
Ага! А ты уже облизываться начал.

Фрош:
Так, хорошо! Рейнвейн,
уж если выбрать надо.

Отечества дары –
вот лучшая отрада.

Мефистофель (прокручивая дырку в столе перед Фрошем):
Лишь приготовьте воск,
чтоб сразу сделать пробки!

Альтмайер:
Ах, это фокусы да хитрые уловки.

Мефистофель (Брандеру):
А вам?

Брандер:
Шампанское вино,
и чтобы пенилось оно!

Мефистофель буравит; один из компании делает в это время восковые пробки и затыкает отверстия в столе.

Не разорвать нам эти узы,
Добро бывает вдалеке.
Пусть кровный немец
и не жалует французов,
Но радость ищет в их вине.

Зибель (приближающемуся к нему Мефистофелю):
Признаюсь, кислое не пью винцо,
А сладкое у вас найдется?

Мефистофель (буравит):
Так вам токайское польется.

Альтмайер:
Нет, поглядите мне в лицо!
Вы, вижу, насмехаетесь над нами.

Мефистофель:
Ай-ай! С такими-то гостями
Опасно было бы шутить.
Я должен вас поторопить!
Каким вином служить велите?

Альтмайер:
Любым! Расспросом не томить.

Отверстия в столе просверлены
и заткнуты пробками

Мефистофель (делая странные жесты):
Гроздья держит ствол,
А рога – козел!
Вина сочны, ветвь – древесна,
В деревянном столе винам
может быть тесно!
Природу взглядом ты пронзишь!
И вот вам чудо, верьте лишь!
Ну, пробки прочь – и вволю пить!

Все (вынимают пробки, и требуемое вино льется в стаканы):
О, ключ прекрасный начал бить!

Мефистофель:
Лишь бойтесь что-нибудь пролить!

Пьют еще раз.

Все (поют):
По-каннибальски славно нам,
Как будто свиньям пятистам!

Мефистофель (Фаусту):
Народ раскрепощен и счастлив – вот!

Фауст:
А я хотел бы удалиться.

Мефистофель:
Нет, должен здесь беснующийся скот
Во всей красе тебе открыться.

Зибель (пьет неосторожно, вино льется на землю и превращается в пламя):
Огонь! На помощь! Ад! Пожар!

Мефистофель (заговаривая огонь):
Стихия, поумерь свой жар!

Обращаясь ко всем.

Сейчас чистилище ожгло лишь каплей.

Зибель:
Вон это что! Расплатишься, не так ли!
Сполна! Ты нас, видать, не знал!

Фрош:
Пускай он только повторить посмеет!

Альтмайер:
Пошел бы он туда, откуда к нам пришел.

Зибель:
Он что? Решил, раз нас нашел,
То фокусничать здесь сумеет?

Мефистофель:
Молчать, бочонок!

Зибель:
Помело! Еще грубишь? Ну, попадешься!

Брандер:
Смотри же, тумаков дождешься!

Альтмайер (откупоривает одно из отверстий в столе, оттуда на него вырывается пламя):
Горю! Горю я!

Зибель:
Колдовство!
Он вне закона! Режь его!

Все выхватывают ножи и подступают к Мефистофелю.

Мефистофель (строго):
Фальшивых слов обман,
Предстань теперь глазам,
Будьте здесь и там!

Все останавливаются, в недоумении глядя друг на друга.

Альтмайер:
О, где я? Что за чудный край!

Фрош:
Глядите, виноград!

Зибель:
И гроздь в руках! Срывай!

Брандер:
В зеленых цепких перевитьях
Какие гроздья, ствол, смотрите!

Хватает Зибеля за нос. Все делают то же и поднимают ножи.

Мефистофель (по-прежнему):
Ложь, повязкой с глаз спадай!
И помните, как дьявол шутит.

Исчезает с Фаустом, приятели выпускают друг друга.

Зибель:
А? Что?

Альтмайер:
Как?

Фрош:
Руки нос твой крутят?

Брандер (Зибелю):
Я твой схватил! А видел рай!

Альтмайер:
Вот это да, удар прошел по телу!
Стул дайте, рухну, право дело!

Фрош:
Скажите же, что было здесь?

Зибель:
Где тот субъект? Ему уж точно
Уйти не дам я! Наотрез!

Альтмайер:
Я видел сам, как он на бочке
Из погреба за дверь исчез.
В ногах моих свинец налился.
(поворачивается к столу)
Ох! Стол еще б вином пролился!

Зибель:
Ложь, наваждение одно.

Фрош:
А мне казалось, пил вино.

Брандер:
А с виноградом что? Откуда?!

Альтмайер:
Пусть говорят теперь,
не надо верить в чудо!

Кухня ведьмы

На низком очаге на огне стоит большой котел. В чаду, поднимающемся к дымоходу, возникают различные образы. Мартышка-самка сидит у котла, помешивает, снимает пену и смотрит, чтобы котел не убежал. Мартышка-самец с детенышами сидит рядом и греется. На стенах и потолке висит причудливая утварь ведьмы.

Фауст. Мефистофель.

Фауст:

Я полон к диким чарам отвращенья!
Ты обещаешь исцеленье
В грязи безумства для меня?
И нужен ли совет от старой бабы?
Иль, может, гадкая стряпня
Лет тридцать снять с меня могла бы?
Коль знаешь ты лишь путь такой,
Растаяла моя надежда.
Сама природа или дух живой
Такой бальзам не находили прежде?

Мефистофель:

Мой друг, вновь говоришь умно!
В природе средство есть омолодиться,
Особая статья оно,
И к нашей книге не годится.

Фауст:
Но знать хочу я!

Мефистофель:
Что ж! Бесплатно, в добрый час,
Без чар, врачей прекрасно выжить:
Отправься на поле сейчас,
Начни копать, колоть, мотыжить,
Себя и разум удержи
В пространстве замкнутом и тесном,
Питайся и естественно, и пресно.
Среди скота скотом
привыкни жить теперь
И удобрять, где снимешь плод под осень!
Вот средство лучшее, поверь,
Десятков восемь сразу сбросить!

Фауст:
Я, право, не привык, и нечего стараться
Теперь вдруг за лопату браться,
Мне замкнутая жизнь не подойдет.

Мефистофель:
Так, значит, к ведьме путь ведет.

Фауст:
Зачем к старухе ты привел?
Напиток сам сварить не мог бы?

Мефистофель:
Прекрасно б время я провел!
Уж тысячи мостов возвел бы!
Здесь мало знанья и уменья –
Должно здесь также быть терпенье.
Здесь нужен тихий нрав и лет немало,

И время, чтоб броженье крепким стало.
И все, что надлежит тому,
Престранное, признаюсь, дело!
Хоть черт и обучил всему,
Но сам не может это сделать.

Смотрит на зверей.

Смотри-ка, миленький народ!
Вот вам лакей, служанка – вот!

Зверям.

А что же, нет хозяйки дома?

Звери:
К знакомым,
В трубу взвилась!
На пир унеслась!

Мефистофель:
И долго там она гуляет?

Звери:
Пока нам лапы жар отогревает.

Мефистофель (Фаусту):
Как, нравятся тебе зверушки?

Фауст:
Я никого противней не видал!

Мефистофель:
Напрасно! Я не повстречал
Нигде бесед и споров лучше!

Зверям.

Игрушки чертовы, что скажем?
Что там за месиво бурлит?

Звери:
Мы варим суп для бедных падших.

Мефистофель:
Тогда к вам много набежит.

Мартышка-самец (подползает к Мефистофелю и ласкается):
Брось кости со мной
И дай золотой
Мне выиграть сразу!
Ведь я не в себе,
Будь деньги при мне,
Вернулся бы разум.

Мефистофель:
Вот счастьем
дурень бы кичился,
Когда б в лото играть
он научился!

Детеныши играют большим шаром и катят его.

Мартышка-самец:
Вот мир летит,
Плывет, кружит,
Катясь, как волны,
Звенит стеклом –
Как хрупок он!

Внутри он полый.
Он здесь блестит,
Он там горит:
Я жизни полон!
Мой сын родной,
Его не тронь!
Не то умрешь!
Из глины он,
Ты разобьешь!

Мефистофель:
А сито что ж?

Мартышка-самец:
Будь вдруг грабеж,
Воров узнать сумеешь.

Подбегает к самке и дает ей посмотреть в сито.

Глянь в сито! Что ж?
Воров узнаешь,
Но выдать не смеешь?

Мефистофель (приближаясь к огню):
Ну, а горшок?

Самец и самка:
Какой дурачок!
Не знает горшок!
Не знать неуместно!

Мефистофель:
Нахалы же вы!

Самец:

Метелку возьми
И сядь в это кресло!

Заставляет Мефистофеля сесть.

Фауст (смотрит в зеркало, то приближаясь, то удаляясь):

Что вижу? Лик небесный мне
В волшебном зеркале явился!
Любовь, ты окрыли, я бы устремился
К таинственной твоей стране!
Ах, если бы теперь я все покинул,
Сумел приблизиться бы к ней!
Но вижу только в мареве теней
Прекраснейшую –
будто бы с картины.
Возможно ль? Это женские черты?
Иль должен я в том силуэте дивном
Увидеть знак небесной красоты?
И есть ли на земле такое?

Мефистофель:

Конечно, если Бог
шесть дней подряд страдал
И «Браво!» под конец сказал,
То толк быть должен, будь спокоен.
Теперь, коль жаждешь, то гляди,
Я знаю, что сокровище такое
Ты встретишь, и блажен, кому ввести
Ее в свой дом назначено судьбою!

Фауст, не отрываясь, смотрит в зеркало. Мефистофель, сидя в кресле и играя метелкой, продолжает.

А я сижу здесь, что король на троне,
Мой скипетр здесь, но где найтись короне?

Звери (со странными жестами и громко крича, приносят Мефистофелю корону):
Любезным будь вновь,
Дай пот свой и кровь,
Чтоб склеить корону!

Они неумело обращаются с короной, ломают ее пополам и прыгают, держа ее куски.

Идите смотреть,
Готово! Нам петь
Хвалебные хоры!

Фауст (перед зеркалом):
О, Боже! Я схожу с ума.

Мефистофель (указывая на зверей):
Да, голова и у меня кружится.

Звери:
А коль повезет,
На нас снизойдет,
И мысль вдруг родится!

Фауст (как раньше):
В груди моей все пламенеет!
Уйдем отсюда поскорей!

Мефистофель (так же):
Признаться ведь нужно, тем не менее,
Они – поэты в облике зверей.

Котел, оставленный самкой
без присмотра, начинает выкипать;
сильное пламя поднимается к трубе.
Ведьма пролетает сквозь огонь
со страшным воплем.

Ведьма:
Ай-ай! Ох-ох!
Проклятый зверь! Свинья, как мог!
Котел проспал, меня обжег!
Проклятый зверь!

Замечая Фауста и Мефистофеля.

Что здесь теперь?
Кто здесь теперь?
Что нужно вам?
Кто здесь проник?
Чтоб вас постиг
Жар сей же миг!

Черпает ложкой из котла и брызжет
на всех огнем. Звери визжат

Мефистофель (перевернув метелку,
бьет посуду):
Я все побью!
Я разолью!
Забавы для
Стеклом звеня,
Так выбиваю я
Мелодию твою.

Ведьма отступает в ярости
и ужасе.

Что, узнаешь, костлявая, меня?
Хозяина и господина?
Коль захочу, смету тебя
С твоей мартышечьей скотиной!
Не уважаешь красный мой камзол?
Не узнаешь перо петушье, может?
Я что, другим к тебе пришел?
Иль сам уж представляться должен?

Ведьма:
Прости, владыка, грубость мне!
Но конское копыто где?
И пара воронов извечных?

Мефистофель:
На этот раз тебе сошло,
Ведь много времени прошло
Со дня последней нашей встречи.
Прогресс, что двигает весь мир,
Теперь и черта захватил:
Нордический фантом
уже нигде не встретишь,
Рога, хвост, когти не приметишь.
А ногу я не потерял,
Нельзя; но в людях чтоб являться,
Давно протезы я достал
И с миром так привык общаться.

Ведьма (пляшет):
Рассудок можно потерять –
Вдруг сатану увидеть здесь опять!

Мефистофель:
Не смей меня так называть.

Ведьма:
Ваш титул? Что дурного в нем?

Мефистофель:
Он много лет лишь в баснях всем
встречался,
Но лучше человек не стал притом:
Лукавого он гнал, но черт при нем остался.
Ты «господин барон» теперь меня зови,
Я кавалер средь прочих кавалеров.
Не сомневайся же в моей крови,
Смотри, вот герб,
вот знак моей семьи, к примеру!

Делает неприличный жест.

Ведьма (смеясь во все горло):
Ха-ха! Манера ваша, да!
Вы проходимец, как всегда!

Мефистофель (Фаусту):
Мой друг, запоминай, учись,
Как можно с ведьмой обойтись.

Ведьма:
Чем услужить мне господам?

Мефистофель:
Известного питья подай стакан!
Но, попрошу лишь, поскорее,
Ведь сила в нем равна годам.

Ведьма:
Охотно! Вот сосуд с напитком,
Я пью сама, и нет убытка,

И запах больше не дурен,
Вам есть стаканчик, как нарочно.

Тихо.

Но коль ваш друг не подготовлен пить,
Ему и часу не придется жить.

Мефистофель:
Ему не повредит, ведь он приятель мой,
И лучшее хочу ему подать я.
Черти свой круг, тверди заклятья
И в чашу влей напиток свой!

Ведьма причудливыми жестами очерчивает круг и ставит в него разные предметы. Посуда начинает звенеть, и звон становится музыкой. Ведьма приносит большую книгу и ставит мартышек в круг. Одна из них держит книгу на спине, другие стоят с факелами. Затем ведьма показывает Фаусту, чтоб он подошел.

Фауст (Мефистофелю):
Знакомо и противно это:
Безумье жестов, глупые предметы,
Безвкусье неприкрытой лжи,
Зачем все это нам, скажи?

Мефистофель:
Все – шутка, фарс! Игра, забава;
Не будь, в конце концов, так строг!
Она, как врач, здесь фокусничать стала,
Чтоб действовать напиток смог.

Заставляет Фауста войти в круг.

Ведьма (напыщенно декламируя из книги):
Пойми! Всего
Из одного
Десяток, но
Два с тройкой спрячь,
И будь богач.
Четверку прочь!
Где пять и шесть
В заклятье есть,
Там восемь, семь,
Свершилось! Есть!
Один есть трижды три,
Нет вовсе десяти.
Так множит ведьма, посмотри!

Фауст:
Теперь старуха бредить стала.

Мефистофель:
Пока лиха беда начало.
Вся книга в том же духе, мне ль не знать;
Я уйму времени над ней потратил,
Противоречий не понять,
Глупцам и мудрецам загадок хватит.
Искусство ново и старо,
Все времена его склоняли:
Одно за три, три за одно,
За правду ложь распространяли.
Уча, трещат из века в век:
С глупцами спор ли развлеченье?
Привык, заслышав слово, верить человек,
Но в слове быть должна
и пища к размышленью.

Ведьма (продолжает):
Высокий дух
Больших наук
Для мира не проявлен!
Не мыслит кто,
Берет его,
Для тех он предоставлен.

Фауст:
Несет какой-то вздор!
Лишить рассудка, верно, хочет,
Мне слышится, как будто хор
Ста тысяч дураков бормочет.

Мефистофель:
Ну, полно, полно, вещая Сивилла!
Подай питье чудесной силы,
Наполнив чашу до краев!
Вреда не будет от напитка другу:
Ученый избранного круга
Сполна уже испил свое.

Ведьма, исполняя обряд, наливает питье в бокал; когда Фауст подносит его к губам, вспыхивает легкое пламя.

До дна бокал испить спеши!
И силы в сердце обновятся.
Ты с дьяволом самим на «ты»,
А вздумал пламени бояться?

Ведьма размыкает круг.
Фауст выходит из него.

Живее, прочь! Теперь не спи!

Ведьма:
Пусть будет в радость вам глоточек!

Мефистофель (ведьме):
Чем мне тебя порадовать, шепни
Ты мне Вальпургиевой ночью.

Ведьма:
Вот песня! Хорошо по временам,
Чтоб вы ее для пущей силы пели.

Мефистофель (Фаусту):
Идем же, все почувствуешь на деле:
И нужно пропотеть скорее,
Чтоб сила волшебства насквозь прошла.
Рекомендую прогуляться скоро,
И ты откроешь с искренним восторгом,
Как резво Купидон снует туда-сюда.

Фауст:
Дай в зеркало взглянуть еще мгновенье!
На дивный облик девы той!

Мефистофель:
Нет! Нет! Всех женщин воплощенье
Живьем предстанет пред тобой.

В сторону.

С таким напитком в плоти бренной
Любую назовешь Еленой.

Улица I

Фауст. Маргарита проходит мимо.

Фауст:
Я милой барышне осмелюсь
Дать руку… проводить надеюсь!

Маргарита:
Не барышня и не мила!
Дойду одна домой, как шла.

Увернувшись, уходит.

Фауст:
О, небо! Знать красы такой
Мне не было дано судьбой.
Достойной скромности полна,
Слегка насмешлива она.
Багрянец губ и щечек цвет
Мне не забыть, как ясный свет!
Печатью в сердце с этих пор
Потупленный остался взор.
Она была слегка резка,
Но упоительно близка!

Появляется Мефистофель.

Фауст:
Сведи с той девушкой, посредник!

Мефистофель:
С какой?

Фауст:
Ушла, я упустил.

Мефистофель:
Ах, с той? Которой проповедник
Все прегрешенья отпустил.
Я с ней в исповедальне был;
Дитя, невинная душа,
И зря на исповедь пришла;
Да и власти над ней моей нет.

Фауст:
Ей уже не четырнадцать лет.

Мефистофель:
Ты судишь, словно ловелас,
Любой бутон готов сейчас
Сорвать он в жажде, будто нет
Любви, и честь не ведал свет.
Но так нельзя, ты слишком быстр!

Фауст:
Хваленый господин магистр,
Прошу избавить от нотаций!
Запомни лучше, милый мой:
Коль юной крови сладкий зной
Не будет в эту ночь со мной,
Нам в полночь
суждено расстаться!

Мефистофель:
Пойми! Какая это цель!

Уйдет не меньше двух недель
Найти возможность для свиданья.

Фауст:
Дай семь часов покоя мне,
Я б не нуждался в сатане,
Чтоб это соблазнить созданье.

Мефистофель:
В речах ты подлинный француз;
Прошу, не надо раздражаться:
Лишь миг
желанным наслаждаться?
Не ощутишь особый вкус,
Как с этой стороны, да с той,
Да сладкой болтовней пустой
Ты эту куколку проймешь.
О том и в книжках
ты прочтешь.

Фауст:
И так желаньем я горю!

Мефистофель:
Нет, кроме шуток, говорю!
Тебе прекрасное дитя
Не сдастся в тот же миг, шутя,
Здесь бурной силою не сладить,
И мы должны во всем лукавить.

Фауст:
Добудь мне вещь от девы дорогой!
Сведи меня в ее покой!
Добудь платок с ее груди,
Подвязку – талисман любви!

Мефистофель:

Чтоб видел ты, что страсти я твоей
Готов служить еще верней,
Сегодня же, минуты не теряя,
В ее светелку проведу тебя я.

Фауст:

Увидеть? С нею быть?

Мефистофель:

Да, нет! Уйдет к соседке – вот секрет.
В то время ты без лишних бед
Мечтам о радостях грядущих
Еще предаться сможешь пуще.

Фауст:

Ну что ж идем?

Мефистофель:

Чуть-чуть поздней!

Фауст:

Побеспокойся о подарке ей!

Уходит.

Мефистофель:

Подарке? Ну и ну! Теперь он все сумеет!
Места, где клад зарыт в земле,
Давным-давно известны мне,
Теперь я должен их проверить.

Уходит.

Вечер

Маленькая опрятная комната.

Маргарита (заплетая косы):
Клянусь, я много б отдала,
Когда б узнать теперь могла,
Кто был тот славный господин;
По-моему, он – дворянин.
Не будь на самом деле благороден,
Он не был бы столь дерзок и свободен.

Уходит.

Мефистофель. Фауст.

Мефистофель:
Входи, потише, но входи!

Фауст (после некоторого молчания):
Позволь, останусь я один!

Мефистофель (оглядываясь вокруг):
Порядок здесь – пример другим.

Уходит.

Фауст (осматриваясь):
О, милый сумрак, ты прими
Теперь меня в приют святой!

Любви томленье, сердце охвати,
Обдай надежды трепетной росой!
Как дышит все вокруг покоем,
Порядком, жизни полнотой!
Довольство в бедности какое!
И благо, скрытое тюрьмой!

Бросается в кожаное кресло у постели.

Прими меня, о трон, как принимал
Отцов во дни и радости и горя,
И часто так тебя здесь окружал
Рой детворы, что прибегал гурьбою,
Девчушкой, в Рождество, благодаря,
Целуя руку деду, рядом стоя,
Средь них была любимая моя.
Твой дух, о, юная, шептать
Явился мне в порядке дома,
Тебя он наставляет, словно мать:
Как чистым покрывалом стол убрать,
Песок узорно разбросать по полу.
Руки божественный изгиб
Так в доме рай земной творит!
А здесь!..

Отдергивает полог кровати.

Меня объял блаженный страх!
Ах, здесь мне позабыть бы время.
Природа ангела здесь создала, овеяв
Легчайшим сном, как в небесах!
Дитя дремало жизни полно
И нежностью и теплотой,
Исполнясь чистотою, словно
Божественною красотой!

А ты? Что привело тебя?
О, как глубоко тронут я!
Что хочешь ты?
И что так сердце сжалось?
Не узнаю тебя, несчастный Фауст!

Объял, чаруя, аромат?
Меня влекло за наслажденьем,
Я изошелся страстью и томленьем!
Играет в нас поветрий перепад?

Сейчас она сюда явись,
Чем мог бы искупить свое кощунство!
Самонадеянный, стыдись!
Склонись к стопам, повержен чувством!

Входит Мефистофель.

Мефистофель:
Живей! Она идет – я вижу!

Фауст:
Прочь! Прочь! И нет мне возвращенья!

Мефистофель:
Вот ларчик, полный украшений,
Я раздобыл, что был поближе.
Теперь в шкафу оставь его!
Клянусь, что чувств она лишится.
Вещицей, вложенной в него,
И не такая соблазнится.
Дитя ведь есть дитя, игрой – игра.

Фауст:
Но смею ль я?

Мефистофель:

Опять слова?
Иль хочешь ты сберечь шкатулку?
Тогда пусть чувственность твоя
Не тратит более ни дня
И сил моих – прошу не в шутку.
Ведь ты не скуп, надеюсь я!
Я голову сломал, стер руки –

Ставит шкатулку в шкаф и закрывает его.

Идем! Живей!
Чтоб милое дитя скорей
Склонить к сердечному влеченью;
Стоишь, опять
Ты хочешь лекцию начать?
Иль, может быть, явилась пред тобою
Физика с метафизикой?
Идем!

Уходят.

Маргарита (входит с лампой):

Как тягостно и душно здесь.

Открывает окно.

Снаружи легче, мне сдается.
Мне странно. Дом в тумане весь,
Пусть мама поскорей вернется!
И страх объял со всею силой,
Как глупо быть такой трусливой!

Начинает петь и снимает
верхнюю одежду.

Король один жил в Тулье,
До гроба верен той,
Что, умирая, кубок
Вручила золотой.

Ничто дороже в мире
Король с тех пор не знал,
В слезах на каждом пире
Он кубок осушал.

И вот – близка кончина,
Правитель одарил
Своим владеньем сына –
Но кубок сохранил.

В фамильный зал овальный
Он в рыцарском кругу
Пришел на пир прощальный
В дворце на берегу.

Испил кутила старый
Своей судьбы глоток,
И бросил вниз со скал он
Бокал в крутой поток.

Когда с глотком соленым
Достиг тот кубок дна,
Замкнулись миру взоры,
А губы – для вина.

Она открывает шкаф, чтобы убрать платье, и замечает шкатулку с украшениями.

Маргарита:

Откуда здесь шкатулка? Помню я,
Что шкаф закрыла, уходя.
Как странно это все!
Что ж может быть внутри?
Возможно, принесли в залог,
И мама деньги одолжила,
Здесь ключик на тесьме, мой Бог,
Сейчас… ах, вот, уже открыла!
Что это! Боже мой! Взгляни!
Я красоты не видела подобной!
Здесь украшенья могут подойти
На праздник даме благородной!
Примерить будет ли удобно?
Откуда? Чья такая роскошь?

Она надевает украшения и подходит к зеркалу.

Мне пару бы таких сережек!
В них сразу смотришься другой.
Что толку, впрочем, в красоте?
Пусть ты прекрасна, между тем
Живешь средь бедности такой.
Из жалости нас хвалят, верно.
Играют всем
И правят всем
Лишь деньги. Мы же бедны!

На прогулке

Фауст прогуливается в раздумье.
К нему подходит Мефистофель.

Мефистофель:
Отвергнутою любовью клянусь
и бездною ада!
А знал бы я что-нибудь хуже,
страшнее проклясть бы надо!

Фауст:
Ты что? Что так тебя задело?
Я в жизни не видал лица такого!

Мефистофель:
Да к черту, к дьяволу себя послать готов я,
Не будь я чертом, в этом дело!

Фауст:
Да что за гнев напал неудержимый?
Тебе ж идет беситься одержимо!

Мефистофель:
Представь, подарок наш пропал,
Тот ларчик поп к рукам прибрал.
Убор мамаша увидала,
И тут же в крайний ужас впала,
У женщины развито тонко чутье,

Пред носом молитвенник все у нее,
Во всем распознает секрет,
Освящена вещь или нет.
И про шкатулку поняла,
Что та не благословлена.
«Дитя! Дурное в доме, – говорит, –
Испортит душу, совратит!
Матери Божьей пожертвуем честно,
Вознаградит она манной небесной!»
Тут Гретхен покривила губы:
Дареному коню не смотрят в зубы.
И правда! Ведь не столь безбожен
Тот, кем был ларчик ей подложен.
Мать позвала попа, меж делом
Пришел за урожаем спелым,
Теряя с радости рассудок:
«Награда по благим делам!
Воздержитесь, воздастся вам.
Хорош у церкви, мол, желудок,
Земель не мало проглотила,
Но аппетит не утолила.
Лишь церковь, дамы, та, что правит,
Неправедное переварит».

Фауст:

Так повелось у всех, похоже;
Еврей, король живут на том же.

Мефистофель:

Как рыжики, проворно поп
В лукошко украшенья сгреб,
Благодарил, орехи словно
Ему пожертвовали скромно.
Сулил им награду высоких небес,
Они были счастливы, поп же исчез.

Фауст:
А Гретхен?

Мефистофель:
Ей покоя нет,
Что делать, где найти ответ,
Ни днем, ни ночью не забыть
Ей ларчик. Кто посмел дарить?

Фауст:
Грустит! Ступай к любви моей!
Добудь другой подарок ей!
Коль первый ларчик наш пустой.

Мефистофель:
Да, вам все видится игрой!

Фауст:
Служить по-моему примись,
К ее соседке подберись!
Будь дьявол, а не размазня,
Сыщи подарок за меня!

Мефистофель:
Да, сударь, я служить вам послан.

Фауст уходит.

Влюбленный дурень входит в раж.
Так солнце и луну, и звезды
Зазнобе на забаву ты раздашь!

Уходит.

Дом соседки

Марта (одна):

Прости, Господь, муж милый мой
Так дурно поступил со мной!
По миру странствует, а мне
Жить нужно в этой бедноте.
А я ничем не обижала
И, Бог свидетель, обожала!

Рыдает.

Но коль случилось умереть!
Мне б хоть свидетельство иметь!

Входит Маргарита.

Маргарита:

Фрау Марта!

Марта:

Гретхен? Что зашла?

Маргарита:

Дрожат колени не на шутку!
Опять в моем шкафу шкатулку
Эбеновую я нашла,
А вещи, уверяю вас,
Богаче прежних в сотни раз.

Марта:
Ты только матери – ни слова,
На исповедь отправит снова.

Маргарита:
Взгляните лишь на украшенья!

Марта (надевает украшения на нее):
О, ты, счастливое творенье!

Маргарита:
Но не могу явиться в этом
Ни в церкви я, ни перед светом.

Марта:
Почаще заходи, и сможешь
Здесь украшения надеть.
Часок у зеркала повертишься, и тоже
Мне в радость будет посмотреть.
Глядишь, и повод –
праздник подойдет,
Когда любой себя показывать пойдет.
Цепочку можно и жемчужины надеть,
И мама вряд ли все сумеет рассмотреть.

Маргарита:
Однако ведь принес шкатулку кто-то?
Здесь, кажется, неладно что-то!

Стучат.

Мой Бог! Не мама ль это, посмотрите?

Марта (глядя через занавеску):
Нет, господин чужой. – Входите!

Входит Мефистофель.

Мефистофель:
Я должен попросить прощенья
За столь нежданное вторженье.

Почтительно отступает перед Маргаритой.

Но к Марте Швердтлайн я на деле.

Марта:
Так это я, что ж вы хотели?

Мефистофель (тихо Марте):
Чуть позже!
Довольно, что я вас узнал,
Но с гостьей знатною застал.
Простите дерзость, удалюсь,
А вечером опять явлюсь.

Марта (смеется):
Подумай, милое дитя!
Назвали барышней тебя!

Маргарита:
Нет, что вы, я бедна, увы!
Мой Бог! Вы слишком уж добры.
А украшенья – не мои.

Мефистофель:
Но дело разве только в них;
А ваша внешность и глубокий взгляд!
Так я останусь? Как я рад!

Марта:
Так в чем же дело ваше есть?

Мефистофель:
Хотел бы сообщить
я радостнее весть!
Но лишь ее доставить взялся –
Ваш муж, увы, уже скончался.

Марта:
Скончался? О, не может быть!
Мой муж погиб! Ах, мне не жить!

Маргарита:
О нет, Бог не оставит вас!

Мефистофель:
Таков печальный мой рассказ!

Маргарита:
Ах, лучше б я не полюбила.
Меня утрата бы убила.

Мефистофель:
Есть в счастье боль, и счастье – в боли.

Марта:
Каков же был его конец?

Мефистофель:
Он в Падуе был похоронен.
Антония святой венец
Его укрыл с благословеньем
На вечное упокоенье.

Марта:
Он что-то передал, скажите?

Мефистофель:
Да, просьбу очень непростую,
Три сотни панихид о нем вы отслужите,
И все! Карманы ж у меня пустуют.

Марта:
Как! И кольца он не дал вам?
Любой мастеровой в котомке, в глубине
Хоть что-то сбережет на дне
И лучше недоест, как нищий!

Мефистофель:
Мне от души вас жаль, мадам,
И муж ваш не был расточитель.
Он каялся во всем, и очень часто
Он сокрушался о судьбе несчастной.

Маргарита:
Ах, как несчастно люди могут жить!
Я о душе его молиться буду.

Мефистофель:
Вам замуж впору, вы такое чудо,
Женою вы достойны быть.

Маргарита:
Нет, не подходит ваш пример.

Мефистофель:
Тогда не нужен муж, но кавалер!
То воля неба, дар судьбы прекрасной
Обнять такую прелесть страстно.

Маргарита:
У нас в стране другой обычай.

Мефистофель:
Обычай, нет ли – нет различий.

Марта:
Продолжите!

Мефистофель:
Я был при нем, при смертном ложе,
Почти навоз под ним лежал,
Сенная гниль; христианином
Он умирал и каялся,
что был он грешен все же,
«Я, – восклицал, – себя возненавидел!
Я бросил ремесло, жену обидел!
Ах! Эта мысль убьет меня.
О, если б грех жена мне отпустила!»

Марта (плача):
Мой добрый муж! Давно я все простила.

Мефистофель:
«Но, видит Бог! Она грешней, чем я».

Марта:
Да как же лгал он! На краю могилы!

Мефистофель:
Он, верно, бредил, покидали силы,
Хотя откуда же мне знать.
Он говорил: «Досуга в жизни я не ведал,
Дарил жене детей и добывал ей хлеба,
Что широко прошу понять,

Но собственным куском
я вовсе не был сытым».

Марта:
Так, значит, и любовь
и верность позабыты,
Не вспомнил он забот моих!

Мефистофель:
Нет, нет, как раз он вспоминал о них.
Он говорил: «Из Мальты на пути
Молиться о жене и детях начал,
И небо снизошло удачей,
Корабль турецкий
наш корабль настиг
С богатствами великого султана.
Награду смелость обрела,
Досталась часть сокровищ басурмана
И мне за храбрые дела".

Марта:
Как? Что? Он, может, закопал их где-то?

Мефистофель:
Да нет, ищи теперь что в поле ветра!
Одна красотка за него взялась,
Когда в Неаполе он задержался.
Так преданно и пылко занялась,
Что он до смерти ею восторгался.

Марта:
Подлец! Так обокрасть потомство!
Нужда с бедой – какой подлец –
В нем не сломили вероломство!

Мефистофель:
Зато пришел ему конец!
На вашем месте, право дело,
Я траур год бы поносил
И между тем к другим прицеливался смело.

Марта:
О, Бог! Каким мой первый был,
Другого в мире не найти мне больше!
И нет сердечных дурачков таких!
Любил вот только побродить подольше,
Вино чужое, жен чужих
Да кости, черт бы их побрал!

Мефистофель:
Ну, ясно, это потому,
Что вам свободу он давал
Со снисхожденьем ко всему.
Клянусь, с таким условьем я
К вам напросился бы в мужья!

Марта:
Шутить изволите, выходит?

Мефистофель (про себя):
Мне прочь уйти уже пора!
Поймает черта на слове она.

Маргарите.

Что с вашим сердцем происходит?

Маргарита:
Но как мне вас понять?

Мефистофель (про себя):
Невинное дитя! *(Громко)*
Прощайте же!

Маргарита:
Прощайте!

Марта:
Я хочу узнать!
Свидетельство иметь бы в доме,
Где, как, когда мой милый похоронен.
Сама из тех я, кто с порядком дружен,
В газете б мне прочесть о смерти мужа.

Мефистофель:
Сударыня, довольно только двух
Свидетелей. Мой добрый друг
Прибыл оттуда же вместе со мною
И подтвердит все, как перед судьею.
Я приведу его.

Марта:
О, да!

Мефистофель:
Придет ли барышня сюда?
Мой друг хорош! Объездил свет,
Галантней кавалера нет.

Маргарита:
Краснеть при нем пришлось бы мне.

Мефистофель:
Ни перед кем на всей земле!

Марта:

В саду за домом вечерком
Вас, господа, сегодня ждем.

Улица II

Фауст. Мефистофель.

Фауст:
Ну как? Идет? Что мне ответишь?

Мефистофель:
Ай, браво! Жар тебя съедает?
Твоею скоро Гретхен станет!
Ты вечером ее в саду
у Марты встретишь.
В соседке ожила сегодня
Цыганка хитрая и сводня!

Фауст:
Так-так!

Мефистофель:
Но что-то и от нас хотят.

Фауст:
Я услужить за это рад.

Мефистофель:
Мы подтвердим –
услуга за услугу –
Свидетельство, что прах ее супруга
Уже почиет в Падуе святой.

Фауст:

Умно! Что ж нам теперь в дорогу
собираться?

Мефистофель:

Sancta simplicitas! Тебе дивлюсь порой!
Заверь, не надо в суть вдаваться!

Фауст:

От лжи твоей весь план наш может
поломаться.

Мефистофель:

О, муж пречистый и святой!
Иль, может быть, впервые в жизни
Солжешь в свидетельстве своем?
О Боге с миром и движенье в нем,
О человеке с сердцем и умом
Ты не давал определений энергично,
Уверенно и без стыда?
Но если в корень ты заглянешь,
То ровно столько, ты признаешь,
Сколь и о герре Швердтлайн знал!

Фауст:

Софистом и лжецом ты был и будешь.

Мефистофель:

Да, если б я не знал немного глубже.
Не завтра ли себя проявишь –
Бедняжку Гретхен в сеть заманишь,
В любви ей чистой клясться станешь?

Фауст:

Скажу от сердца!

Мефистофель:

Да, да, да! О вечной верности с любовью,
О страсти, овладевшей кровью,
Слова из сердца потекут?

Фауст:

Оставь! Когда своим страданьям,
Смятенье чувствуя и дрожь,
Ищу, не нахожу названья,
Когда мой ум слова перебирает
И высшие значенья отбирает,
Когда горенье, жар сердечный
Зову я вечным, бесконечным,
Что это? Дьявольская ложь?

Мефистофель:

Но все ж я прав!

Фауст:

Послушай, так –
Срывать я горло в споре не намерен,
Кто правым хочет быть и языком владеет,
Тот будет прав.
Идем, мне надоела болтовня,
Но правым должен был быть я!

Сад

Маргарита под руку с Фаустом
и Марта с Мефистофелем
прогуливаются по саду.

Гретхен:
Я вижу, господин так добр ко мне,
Меня щадит от униженья.
Кто видел мир, привык уже
К терпению и снисхожденью.
Столь искушенного, как вы, развлечь
Не может бедная такая речь.

Фауст:
Дороже лишь словечко,
взгляд лишь твой
Мне всякой мудрости земной.

Целует ей руку.

Маргарита:
Мне руку целовать!
Как можно! Боже с вами!
Она груба, жестка, шершава!
Что только я не делала руками!
Порядок очень любит мама.

Идут дальше.

Марта:
А вы, мой господин, в пути всегда?

Мефистофель:
Ах, ремесло и долг к тому склоняют!
Хоть с болью уезжаешь иногда,
Остаться все ж дела не позволяют!

Марта:
Да, в пору юности сойдет
То там, то там по миру проноситься.
Но время трудное придет,
И одному, как перст,
к могиле волочиться,
Никто в том радость не найдет.

Мефистофель:
Я с ужасом предвижу это!

Марта:
Так вовремя послушайте совета!

Идут дальше.

Маргарита:
Но, с глаз долой, из сердца вон!
Вам просто вежливость привычна,
Да и в друзьях у вас обычно,
Кто многим более умен.

Фауст:
Мой ангел!
Верь, то, что премудростью зовут, –
Тщеславье ускользающее.

Маргарита:
Как?

Фауст:
Ах! Простота с невинностью никак
Всей святости своей не сознают.
Смиренье, скромность – высшие дары
Природы и любви, что вечно будут!

Маргарита:
Разочек обо мне подумаете вы,
И я сама вас больше не забуду.

Фауст:
А часто ты одна?

Маргарита:
Хоть мал наш дом с хозяйством – да.
Все вечно требует труда.
Служанки нет у нас,
мести, вязать, готовить
И шить, и бегать я должна;
И с мамой аккуратной не поспорить,
Она строга!
Не утруждать себя вполне она могла;
Мы лучше, чем другие, жить могли бы:
Отцовское наследство добрым было –
Оставил дом за городом и сад.
Но для меня дни тихие настали:
Мой брат теперь солдат,
Сестренка – умерла.
С ребенком много я хлопот перенесла,
Но те заботы вновь
мне радостью бы стали,
Любила так.

Фауст:

То ангел был, как ты сама!

Маргарита:

Ко мне привязана она была.
К ее рождению отца не стало,
И мама с горя пропадала,
Так тяжко было ей тогда,
Она спустя лишь только время ожила.
И для нее бы было слишком
Стараться выкормить малышку.
Я молоком с водой ее
Кормила, как дитя свое.
И на моих руках она
Играла, милая, росла.

Фауст:

Чистейшим счастьем обладала ты!

Маргарита:

Но были в нем и тяжкие часы.
Ее постелька у моей
Стояла ночью, крошка шевельнется,
Проснусь – и к ней,
И то кормить,
то взять к себе придется,
То, если не молчит, вставать,
Всю ночь туда-сюда ходить, ее качать,
А поутру за стиркою стоять,
Потом на рынок, а потом готовить,
И так день ото дня проходит,
И выбита из сил бываешь вон,
Зато с охотой ешь, зато и сладок сон.

Проходят.

Марта:
Не просто бедным женщинам, увы,
Холостяка на верный путь наставить.

Мефистофель:
Наставнице такой, как вы,
Меня бы удалось исправить.

Марта:
Признайтесь, вам судьба не повстречалась?
Иль ваше сердце где-нибудь осталось?

Мефистофель:
Как говорят, жена и дом
Дороже злата с серебром.

Марта:
Но благосклонность вы не испытали?

Мефистофель:
О нет, меня везде любезно принимали.

Марта:
Да нет!А что серьезно вашим сердцем
завладело?

Мефистофель:
Ну, с дамами шутить – рискованное дело.

Марта:
Ах, вы не поняли!

Мефистофель:
Мне очень жаль, увы!
Все ж понял я, как вы ко мне добры.

Проходят.

Фауст:
Меня, мой ангелочек, ты узнала,
Лишь стоило мне в сад войти?

Маргарита:
Ведь я не поднимала глаз сначала.

Фауст:
Ты, если можешь,
вольность мне прости.
Прости мне дерзость предложенья,
Когда ты шла с богослуженья.

Маргарита:
Впервые было так, смутилась я.
Здесь обо мне не говорили дурно.
Боялась, ах, неужто он подумал,
Что неприлично ты вела себя?
Ему, должно быть, показалось,
Вот так девица легкая досталась.
Признаюсь вам! Я не могла понять,
За вас тогда уж сердце заступилось,
Я только принялась себя ругать,
Что более на вас уже не злилась.

Фауст:
Ты чудо!

Маргарита:
Полно же!

Срывает ромашку и обрывает лепестки один за другим.

Фауст:
А что ты рвешь? Букет?

Маргарита:
Ах, нет, всего игра.

Фауст:
Что?

Маргарита:
Вы посмеетесь, – нет.

Она обрывает лепестки и шепчет.

Фауст:
Что шепчешь ты?

Маргарита (вполголоса):
Меня он любит – нет.

Фауст:
Ты – высшей прелести секрет!

Маргарита (продолжает):
Любит – нет, любит – нет.

Обрывает последний лепесток – радостно.

Он любит!

Фауст:
Да, мой друг! Так пусть ответ цветка
Решеньем неба станет. Любит!
Поймешь, что это значит? Любит!

Жмет ее руки.

Маргарита:
Ах, как озноб!

Фауст:
О, не дрожи! Пусть этот взгляд
И рук пожатье точно скажут,
Что выразить нельзя:
Отдайся полностью тому блаженству,
Что вечным, вечным быть должно!
Вечным! Его конец был бы отчаяньем.
Беспредельно! Беспредельно!

Маргарита сжимает его руки,
отпускает и убегает. Он стоит,
мгновенье задумавшись, затем
идет за ней.

Марта (подходя):
Смеркается.

Мефистофель:
И нам уже пора.

Марта:
Я б предложила задержаться;
Но здесь у нас беда – пойдет молва.
Как будто больше нечем заниматься,
Нет больше страсти,
Шпионить за соседом – просто счастье.
Начнут судачить все,
уж как бы ты ни жил.
Где ж наши двое?

Мефистофель:
Там, среди ветвей.
Что птички резвые.

Марта:
Он привязался к ней.

Мефистофель:
Она к нему. На том устроен мир.

Садовый домик

Маргарита вбегает, прячется за дверью, прижимает палец к губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита:
Идет!

Фауст (входя):
Лиса, дразнить меня!
Поймаю!

Целует ее.

Маргарита (обнимает его и целует):
Милый мой! Всем сердцем я твоя!

Мефистофель стучит.

Фауст (топая ногой):
Кто там?

Мефистофель:
Твой друг!

Фауст:
Свинья!

Мефистофель:
Пора расстаться все же.

Марта (входя):
Да, поздно, сударь мой.

Фауст:
Я провожу, быть может?

Маргарита:
Нет, мама мне задаст. Прощай!

Фауст:
Что ж, мне идти? Прощай!

Марта:
Адье!

Маргарита:
До скорого свиданья!

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита:
Ах, Боже мой! Неужто он
Во всем так сказочно умен!
А я, сгорая от стыда,
На все лишь отвечаю «да».
Мне, глупой, надо подрасти,
Так что ж он мог во мне найти?

Уходит.

Лес и пещера

Фауст (один):

Высокий дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем просил я. Не напрасно ты
Из пламени ко мне свой лик направил.
Ты дал великую природу в царство мне,
Сил ею чутко насладиться. Так
Ты позволяешь без оцепененья,
Не отстраненно в душу ей смотреть
И видеть глубоко, как в сердце друга.
Ты жизни разные проводишь чередой
Передо мной, уча родимых братьев
Увидеть в них: в листве, воде, эфире.
Когда в лесу бушует в стонах шторм,
И ель-гигант, обрушиваясь с треском,
Влечет к земле соседние стволы,
И гулко полый холм паденью вторит,
В пещере скрыться ты ведешь, и там
Меня являешь мне; в груди моей
Таинственно вершатся чудеса.
И вот восход луны не замутнен,
И в нем парят, неся успокоенье,
С отвесных скал и вымокшей листвы
Серебряные образы прамира,
И утоляет жажду созерцать.

Для человека совершенства нет,
Вот вывод! Ты к великому блаженству,

Что с божествами сблизило меня,
Дал спутника, и я его не в силах
Отвергнуть. Горд и дерзок он. Меня
Унизив предо мной самим, в ничто
Твои дары в речах своих низводит.
Он постоянно раздувает пламя
Во мне по той безмерной красоте.
От страсти к наслажденью я стремлюсь
И в наслаждении томлюсь по страсти.

Появляется Мефистофель.

Мефистофель:
Неужто так не надоело жить?
И чем здесь можно насладиться?
Испробовать полезно, может быть,
Но дальше – к новому стремиться!

Фауст:
Ты б лучше занялся другим,
Чем в добрый день меня мытарить.

Мефистофель:
Ну, ну! Не злись, сиди один,
Я даже рад тебя оставить,
Безумец, грубиян, тебя, мой друг,
И не спасешь и не исправишь.
Стараешься не покладая рук!
Что примет он, а что отвергнет вдруг,
Увы, никак не угадаешь!

Фауст:
Да что за тон! Еще хвали,
Что мне наскучил и тоску навел?

Мефистофель:

А как, несчастный сын земли,
Ты без меня бы жизнь провел?
Не я ль от бреда твоего
Лекарство верное нашел,
И, если бы не я, давно
С земного шара ты сошел.
Что можно испытать в пещере,
Как филин, забиваясь в щели?
Что можно высосать из мха
и влажных скал?
Ты, как лягушка, к ним припал!
Досуг сладчайший на земле!
Да, доктор жив еще в тебе.

Фауст:

Пойми, как много новых сил
Я здесь в пустыне ощутил!
Прочувствуй это хоть отчасти,
В тебе хватило б зла
мое разрушить счастье.

Мефистофель:

Да, упоенье неземное!
Ночь пролежать среди камней с росою
И небеса и твердь объять блаженно,
До божества раздуться непременно.
К ядру земли пробраться в размышленьях,
Познать шесть дней творенья в ощущеньях,
В приливе гордой силы насладиться,
Во все в любовной неге перелиться,
Исчезнуть в многоличье форм,
Чем танец интуиции потом,
(делает жест)
Сказать мне стыдно, завершится!

Фауст:

Тьфу на тебя!

Мефистофель:

Не нравится признаться;
Вы вправе здесь
столь праведно плеваться.
Ушам стыдливым называть боятся,
К чему стыдливые сердца стремятся,
Но, словом: я ему доставил счастье
Самообманом тешиться отчасти;
Ему не выдержать никак,
Ты гонишь вновь себя в могилу,
Еще чуть-чуть, и канут силы
В безумство, ужас или страх.
Довольно же! Любимая так близко,
Мир мрачен ей, невыносим,
Твой образ не идет из мыслей,
Столь безгранично ты любим.
Нахлынула страсть твоя, как наводненье,
Как бурных вод поток
средь тающих снегов;
И в сердце разлилось томленье,
Но вдруг источник пересох.
По мне, ты, чем засесть во тьму лесную,
На волю Божью б все пустил
И за любовь вознаградил
Бедняжку эту молодую.
Ей время тянется едва,
Глядит в окно, как облака плывут,
Над городскою стеною бегут,
«Была бы птичкой я» – поет она,
И день пройдет, и ночь без сна.
Взбодрится, но, тоской полна,
То начинает рыдать,

То вдруг затихнет опять,
Она влюблена!

Фауст:
Змея! Змея!

Мефистофель (про себя):
Уж ты попался у меня!

Фауст:
Порочный, прочь! Исчезни, низкий!
Красавицу не вспоминай,
К желанью плоти больше не взывай
В сознании, к безумству близком.

Мефистофель:
И что? Она считает, ты сбежал,
Да ты и так почти пропал.

Фауст:
Я рядом с ней, всегда она моя,
Ее не позабыть, пусть мили между нами,
Завидую Христову телу я,
Когда она Его касается устами.

Мефистофель:
Мой друг! Во мне ты зависть пробуждаешь,
Ведь пару ланей ты средь роз поймаешь.

Фауст:
Исчезни, сводник!

Мефистофель:
Пусть! Ругай, мне лишь смеяться.
Ребят и девочек создав,

Сам Бог, часть ремесла признав,
Дал повод этим заниматься.
Вперед, беда преодолима!
Тебя судьба войти к любимой,
А не на смерть зовет.

Фауст:

В ее объятьях рай познать надеюсь!
Пусть на груди ее согреюсь:
Ее беда в меня войдет.
Не я ль беглец? Без крова и без цели,
Нечеловек, в ком мир пропал,
Кто от скалы к скале, срываясь, по ущельям,
Как водопад, в безумной жажде пал?
И вдруг она, житейские заботы,
Мир детских чувств, тот домик на лужке,
Одни домашние работы
Заключены в ее мирке.

Я Бога ненавидел,
Всего не испытал,
Когда утесы двигал,
И скалы разбивал!
Ее сгублю, ее покой утешный!
Ты примешь эту жертву, ад кромешный!
Ты, дьявол, помоги. Бояться полно!
Свершиться должное, свершись!
Схлестнутся судеб штормовые волны,
И гибель мне и ей явись!

Мефистофель:

Он вновь кипит и вновь горит!
Иди утешь ее, глупец!
Коль выхода чудак не различит,
Ему мерещится конец.

И.В. Гёте «Фауст»

Кто смел, тому везде почет!
Ты сам почти уж в черта превратился,
По мне ж, нет отвратительней, чем черт,
Что вдруг в отчаянье пустился.

Комната Гретхен

Гретхен (за прялкой, одна):

Ушел покой,
И тяжко в сердце,
Мне никуда
Уже не деться.

Не вижу его –
И все мне мертво,
И где его нет,
Погас белый свет.

Мой бедный ум
Сметен, кружит,
Мой бедный дух
Горит, разбит.

Ушел покой,
И тяжко в сердце,
Мне никуда
Уже не деться.

За ним одним
В окно гляжу,
За ним одним
Я выхожу.

Походка, стан
Влекут, манят.

Улыбка жжет,
Чарует взгляд.

Ах, речь его –
Звучи, колдуй,
Пожатье рук
И… поцелуй!

Ушел покой,
И тяжко в сердце,
Мне никуда
Уже не деться.

Стремится грудь
К нему опять,
Припасть, прильнуть,
Его обнять.

И целовать,
Сколь можно сметь,
И целовать –
И умереть!

Сад Марты

Маргарита. Фауст.

Маргарита:
Ах, Генрих, обещай!

Фауст:
Все, что могу, вовек!

Маргарита:
Скажи мне, что с религией твоей?
Ты славный, добрый человек,
Но, кажется, ты равнодушен к ней.

Фауст:
Оставь, дитя! Ты знаешь, я люблю;
И за любимых кровь свою пролью.
И храма никого лишать я не намерен.

Маргарита:
Но ты не прав, ты должен верить.

Фауст:
Должен?

Маргарита:
Ах! Как мне быть! Неверно ты считаешь!
Ведь ты святых даров не почитаешь.

Фауст:
Я чту их.

Маргарита:
Но без всякого стремленья.
Не ходишь на исповедь, к богослуженьям.
Ты веришь в Бога?

Фауст:
Милая, кто может
Сказать: “Я верю в Бога!”
Ты спроси попов и мудрецов:
Насмешкой станет
Над спрашивающим их ответ.

Маргарита:
Не веришь? Нет?

Фауст:
О, милая, пойми!
Кто Его называет?
И кто же признает:
“В Него я верю”.
И если случится,
То кто же решится
Сказать:”Я не верю в Него”?
А Вседержитель
И Всехранитель
Не держит ли и не хранит
Тебя, меня, себя?
Но не вздымается ли небо?
И не тверда ли здесь земля?
Не звезды ль вечным светом,
Мерцая нежно, вновь восходят?
Не я ль смотрю в глаза тебе,

Не все ли рвется
Сквозь душу, ум – к тебе,
И в вечной тайне все ль не вьется
Незримо зримое тебе?
Все в сердце заключи, от полноты
Его, коль насладишься, чувство ты
Как хочешь назови:
Любовь ли! Сердце! Бог!
Нет никаких названий
Ему! Все чувство есть:
Имя – лишь звук и дым,
Небесный зыбкий свет.

Маргарита:
Да, хорошо, и спору нет,
Так говорится и отцом святым
Другими, может быть, словами.

Фауст:
Так говорят сердцами
Всегда и повсюду, и ныне, и вечно,
На каждом доступном наречье!
Так чем наречье наше скверно?

Маргарита:
Послушаешь, все это верно,
Но грешный здесь сокрыт секрет,
В тебе же христианства нет.

Фауст:
Дитя!

Маргарита:
Мне больно оттого,
Что вижу в обществе твоем его.

Фауст:
Кого?

Маргарита:
Того, кто вечно при тебе.
До глубины души он ненавистен мне.
Еще ничто, как мне казалось,
Так больно в сердце не вонзалось,
Как его отвратительный вид.

Фауст:
Не бойся, он не навредит!

Маргарита:
В его присутствии вскипает кровь.
Ко всем питаю я любовь,
К тебе, мой милый, я стремлюсь,
Его же всей душой боюсь.
И, знаешь, он опасный плут!
Боже, прости, если чувства мне лгут!

Фауст:
Всегда нужны оригиналы.

Маргарита:
Но я с таким бы жить не стала!
Порою он заходит в дом,
Глядит с насмешкою кругом,
Почти что гневно;
И ко всему относится надменно;
На лбу написано его:
Любить ему не суждено.
В твоих объятьях мне светло,
Привольно, хорошо, тепло,
При нем вдруг все сжимается во мне.

Фауст:
О, ангел вещий скрыт в тебе!

Маргарита:
Мой страх сильней меня,
и нет уж больше сил,
Он только к нам с тобой подходит,
Мне кажется, ты сам уж больше мне не мил,
При нем молитва с губ не сходит.
И это гложет сердце мне,
Должно быть, Генрих, и тебе.

Фауст:
Все только неприязнь твоя!

Маргарита:
Что ж, мне пора.

Фауст:
Неужто я
Побыть часочек не смогу с тобою,
Грудь с грудью рядом и душа с душою?

Маргарита:
Ах, если б я спала одна,
То на ночь дверь не запирала!
Но мама чутко спит, с тобой
Когда б меня она застала,
Мне с места не сойти живой!

Фауст:
Мой ангел, это не беда.
Возьми флакончик! Три капли только
В ее питье добавь. Они
Тотчас ее погрузят в сон глубокий.

Маргарита:
Все выполню желания твои!
Они не повредят, надеюсь!

Фауст:
Иного дать я не осмелюсь.

Маргарита:
Один лишь взгляд – всецело я
В твоей волшебной власти, дорогой.
Я сделала так много для тебя,
Что доли, видно, нет уж мне другой.

Уходит.

Входит Мефистофель.

Мефистофель:
Мартышка! Что, ушла?

Фауст:
А ты шпионил вновь?

Мефистофель:
Да, все подробности запомнил,
Здесь Божьей правде учат докторов,
Надеюсь, ты урок усвоил.
У девушек особая любовь,
Коль по старинке ты богопослушен,
Считают: если так, нас тоже станет слушать.

Фауст:
Чудовище, ты слеп к тому,
Что эта милая душа,
Исполнясь верой, лишь

Ее одну
Зовя блаженством, мучиться должна,
Что милый пал, его не возвратишь.

Мефистофель:
Чуткий, сверхчувственный,
ждущий лишь связи,
Девица за нос повела!

Фауст:
Отродие огня и грязи!

Мефистофель:
Физиогномику, однако, поняла:
Присутствие мое ей, видишь ли, претит,
И маска выдает сокрытый смысл,
Коль то, что гений я почти, предощутит,
То ей придет о черте мысль.
Сегодня в ночь?

Фауст:
Да что тебе?!

Мефистофель:
Так я порадуюсь вполне!

У колодца

Гретхен и Лизхен с кувшинами.

Лизхен:
С Варварой, слышала, что с ней?

Гретхен:
Нет, я давно на людях не бывала.

Лизхен:
Сибилла нынче мне сказала.
Ну, наконец, досталось ей.
Гордячка.

Гретхен:
Что ж с ней?

Лизхен:
Нос прикрой, несет!
Двоих уж кормит, если ест и пьет.

Гретхен:
Ах!

Лизхен:
Ну, поделом же, по заслугам,
На парне вешалась подруга!
Тогда, на гулянье,

И в танцах на поляне.
Хотела первой быть всегда,
Тот любезно тартинки носил и вина,
Зазналась, видно, красотой она.
В бесстыдстве совесть потеряла,
Его подарки принимала.
Все ласки да любовный бред,
Хватилась… да цветка уж нет!

Гретхен:
Несчастная!

Лизхен:
Ты вздумала жалеть!
Как нам за прялкою сидеть,
И мать спуститься даже не дает,
Та к ненаглядному идет.
На лавке, в уголке глухом,
Не скучно было им вдвоем.
Но вот теперь она смирится,
За все наденет власяницу!

Гретхен:
Он женится на ней, конечно.

Лизхен:
Он не дурак! Ловкач сбежит,
Коль он свободой дорожит.
И след простыл.

Гретхен:
Нехорошо!

Лизхен:
А коль женись, то все равно

Ей парни оборвут венок,
А мы насыпем сечки на порог!

Уходит.

Гретхен (возвращаясь домой):
Как девушку я осуждала,
Коль та ошибку совершала!
Я даже слов не находила,
Когда грехи других судила.
Ничто другое на земле
Черней уж не казалось мне.
Гордилась честью больше всех,
И вот сама познала грех!
Но все, что к этому вело,
Так было нежно, так влекло!

У городской стены

В нише статуя Mater dolorosa;
перед нею вазы для цветов.

Гретхен (ставя свежие цветы в вазы):
Ах, ликом,
Скорбящим ликом
Склонись, склонись к беде моей!

Взираешь в горе
В кромешной боли
На гибель сына в час скорбей.

Отцу шлешь взоры,
Отцу шлешь стоны
В его беде, беде твоей.

Кто знает,
Как сжигает
Меня моя беда?
То, чего душа боится,
Как дрожит, к чему стремится,
Знаешь ты, лишь ты одна!

Мне больше не привольно,
Мне больно, больно, больно.
И грудь полна тоски!
Одна я слез не прячу,

И.В. Гёте «Фауст»

Я плачу, плачу, плачу,
И сердце на куски.

Цветочки перед домом
Слезами облила,
Когда я на рассвете
Их для тебя рвала.

Когда лучи влетели
В окно, пришла заря,
Без сна в своей постели
В слезах сидела я.

Спаси от гибели моей!
Ах, ликом,
Скорбящим ликом
Склонись, склонись к беде моей!

Ночь. Улица перед домом Гретхен

Валентин (солдат, брат Гретхен):

Бывало, на пиру сидишь,
И парни, с кем заговоришь,
Цветисто хвалят при других
Красоты девушек своих.
Пьют, расточая похвалу.
Облокотясь, в своем углу
Я слушаю, забавны мне
Бахвальства в этой болтовне.
Пригладив бороду себе,
Стакан наполнив до краев,
Воскликну: «Каждому свое!
Но сыщется ль во всей земле
Красотка Гретельхен под стать,
Достойная с ней рядом стать?»
Тут звон пойдет, кругом кричат!
«Он прав! Сестра его одна
Красою всех наделена!»
И тут же хвастуны молчат.
Теперь рвать волосы мне впору,
Да лезть на стену от позора.
Любой мошенник не упустит,
Смешки да колкости отпустит.
А я сиди, как виноватый,
Потей от болтовни проклятой.

Но если разом их согнать,
Лжецами все ж нельзя назвать.

Кто там? Кто ходит у дверей?
Похоже, эти двое к ней.
Он здесь, сам в руки мне идет,
Живым он с места не сойдет.

Входят Фауст, Мефистофель.

Фауст:
Как в ризнице огонь дрожит святой,
Лампада негасимая пылает
И, кажется, едва не угасает,
А ночь объемлет темнотой!
И в сердце замерло мерцанье.

Мефистофель:
Напротив, я горю желаньем,
Как кот, что сквозь пожарный вход
Вдоль стен за кошкою пойдет.
Блаженным чувствам здесь простор
И жажда плотская и воровской задор.
Уже желанья пробуждает
Во мне Вальпургиева ночь,
Что послезавтра наступает,
Тогда и сон уходит прочь.

Фауст:
А клад поднимется из-под земли,
Что мне в сиянье видется вдали?

Мефистофель:
Порадоваться близок срок,
Ты сам достанешь котелок,

Я заглянул на днях в него,
Там талеров полным-полно.

Фауст:

Но украшенья, знаешь сам,
Все ж лучше для моей любимой!

Мефистофель:

По-моему, я видел там
Жемчужины на нити длинной.

Фауст:

Вот хорошо! Мне все трудней
Без подарков стучаться к милой моей.

Мефистофель:

Тебе не стоит все ж бояться
Порою даром наслаждаться.
Теперь,
когда сияет звездный свет,
Под песню станешь ты бодрее,
Спою ей поучительный куплет,
Чтоб заманить ее вернее.

Поет под лютню.

Ах, что с тобой?
За дверью той
Любимый твой,
Катринхен, ты боишься?
Войди же в дом!
Войдя притом
Девицей в дом,
Такой не возвратишься.

Остерегись!
Лишь оступись,
И ночь случись,
Усни, не будь печальной!
Себя храни,
И не дари
Ворам любви
Без перстней обручальных!

Валентин (выходя):
Решил сманить, иль, может, нет,
Кого-то крысолов проклятый!
К чертям сначала инструмент!
К чертям тебя, певун треклятый!

Мефистофель:
Он лютню разломал!
Он, верно, сил не мерит!

Валентин:
Теперь я разнесу твой череп!

Мефистофель (Фаусту):
Ну, доктор, не робей!
Давай!
Держись меня, удар купируй.
Смелей шпажонкой
отражай,
Коли его! Со мной парируй.

Валентин:
Парируй же!

Мефистофель:
Веди свой счет!

Валентин:
Вот так!

Мефистофель:
О, да!

Валентин:
Дерется, словно черт!
Но что со мной? Нет сил моим рукам.

Мефистофель (Фаусту):
Коли!

Валентин (падая):
О, нет!

Мефистофель:
Ну, присмирел, болван!
Теперь же прочь!
Пора смываться быстро,
Сейчас сбегутся и поднимут крик.
С полицией я говорить привык,
Но не по поводу убийства.

Марта (у окна):
Сюда! Сюда!

Гретхен (из окна):
Несите свет!

Марта (так же):
Здесь драка, ругань, спасу нет!

Народ:
Один убит! Сюда!

Марта (выходя):
Убийцы смылись уж, ей-ей!

Гретхен (выходя):
Кто ж там?

Народ:
Сын матери твоей!

Гретхен:
Бог Всемогущий! О, беда!

Валентин:
Я умираю! Мне не жить,
От вас я ухожу.
Почто вам, бабы, горько выть?
Склонитесь, я скажу!

Все окружают его.

Ты, Гретхен, слишком молода
И, видно, так еще глупа
Среди порочных дел.
Пора тебе в глаза сказать,
Ты шлюхой ухитрилась стать,
Вот верный твой удел.

Гретхен:
О, Боже! Брат, не убивай!

Валентин:
Хоть Бога ты не поминай!
Назад былого не вернешь,
Коль быть чему, не обойдешь.
Ты втайне начала с одним,

Потом придет черед другим,
Когда до дюжины дойдет,
То город весь к тебе придет!

Сперва, как только
грех родится,
Любой сокрыть его готов,
И ночи натянуть покров
На грех любой стремится.
А стыд ничто уж не убьет,
И день за днем позор растет,
Глядишь, и волю он найдет,
Да лишь красы не обретет.
Чем отвратительнее стыд,
Тем больше к свету норовит.

Я вижу, время подойдет,
И честный городской народ
Чураться станет, как проказы,
Тебя – ты шлюха! – как заразы.
Пусть сердце рвется на кусочки,
В глаза тебе посмотрят днем!
Ты не наденешь золотой цепочки!
В церкви больше
не встанешь ты пред алтарем!
Не сможешь в кружево рядиться
И в танцах вольно веселиться!
Но лишь в углу позорном жаться,
Средь нищих и калек скрываться.
И, если Бог простит тебе,
Проклятой будешь на земле!

Марта:
Предайте сердце благодати!
Чем брать на душу грех проклятий!

Валентин:

Сломал бы я тебе хребет,
Бесстыдней сводни в мире нет!
Мои былые прегрешенья
Снискали б тотчас отпущенье.

Гретхен:

О, муки адовы! Мой брат!

Валентин:

В слезах нет правды, говорят!
Ты честь свою забыть смогла,
Удар мне в сердце нанесла.
Сквозь смертный сон идет твой брат
К Творцу отважно, как солдат.

Умирает.

Собор

Служба, пение, орган.
Гретхен в толпе народа; позади нее злой дух.

Злой дух:

Все было, Гретхен, иначе,
Когда ты к алтарю
Еще невинной шла
И лепетала молитвы
Затертой книжки,
Равно с игрою
И с Богом в сердце!
Гретхен!
Где разум твой?
В глубинах сердца
Какое скрыто зло?
За душу матери ты молишь, что
Тобой, тобою в тяжкий сон погружена?
И чья-то на пороге кровь?
И под твоим же сердцем
Не бьется ли уже
Вдруг что-нибудь, страшась
Твоей и собственной судьбы?

Гретхен:

Горе мне!
Ушли бы мысли прочь,
Что без конца вокруг меня кружатся
И бьют меня!

Хор:

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla.

Звуки органа.

Злой дух:

Гнев на тебя!
И трубный звук!
Дрожат могилы!
Сердце вновь
Из праха тленья
К мученьям огненным
Рвется и дрожит
В тебе!

Гретхен:

Уйти бы прочь!
Орган как будто мне в груди
Дыханье сжал,
А сердце песнь
В глубинах топит.

Хор:

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

Гретхен:

Мне все тесней!
Оковы стен
Меня гнетут!
И своды
Так давят! – Воздуха!

Злой дух:

Сокройся! Грех позорный
Теперь не скроешь.
Воздух? Свет?
Горе тебе!

Хор:

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Cum vix justus sit securus.

Злой дух:

Пресветлый облик
Отводят от тебя.
Пречистым страшно руку
Подать тебе.
Горе!

Хор:

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхен:

Соседка! Вашу фляжку!

Падает в обморок.

Вальпургиева ночь

Местность в горах Гарца, в окрестностях деревень Ширке и Эленд.

Фауст. Мефистофель.

Мефистофель:

В метле нужды не видишь неужели?
Я б оседлал матерого козла,
Пока еще мы далеки от цели.

Фауст:

Пока я на ногах и свежи силы в теле,
Мне хватит посоха сполна.
Дорогу сокращать какой же прок?
Но в лабиринт долин прокрасться
И на крутой утес забраться,
Откуда бурный рушится поток,
Вот жажда странствовать, вот зов дорог!
Весна березам ткет покровы,
Уже вошла в кору сосны;
И, верно, нас она разбудит снова?

Мефистофель:

По правде, мне не до весны!
Дыханием зимы исполнен.
Я был бы рад морозам и снегам,
Столь горестно
восходит лик неполный

Луны багровой, что ночным лучам
Свой жалко свет,
и с каждым шагом путник
То в дерево, а то в скалу влетит!
Огонь блуждающий
нам будет спутник!
Один, уж вижу, весело горит.
Поди, мой друг! Прошу сюда явиться!
Что толку попусту кружиться?
Любезен будь, дорогу освети.

Блуждающий огонек:

Придется к вам из уваженья
Свой легкий нрав унять на время,
Хоть мне зигзаг привычнее в пути.

Мефистофель:

Ай-ай! Ты человеку вторишь прямо!
Лети, во имя черта, прямо!
Не то задую мигом жизнь твою.

Блуждающий огонек:

Вы здесь хозяин – верно, признаю.
Я вам готов служить прилежно.
Но нынче чарами гора покорена,
Блуждающим огнем тропа озарена,
И ни на что здесь нет надежды.

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонек (попеременно):

В царство грез волшебной сферы
Мы вступили, оказалось,
Так веди нас, спутник верный,
Чтобы вскоре показалась
Даль пустынного пространства!

Посмотри, дерев убранства
Чередуясь, убегают,
Горы пики нагибают,
Длинноносы и скалисты,
И храпят, дыша со свистом!

Меж камней, в корнях тернистых
Ключ стремится, полон рвенья.
Шум я слышу? Или пенье?
Зов любви в глуби оврага
Или дней предвечных благо?
То, что ждем, и то, что любим!
Или эхо, словно сага
Древних дней гремит в каменьях.

«Уху! Шуху!» Слышно только:
Филин, чибис или сойка,
Вы сегодня не уснули?
Ящерицы и лягушки?
Длинны ноги, толсты брюшки!
Корни змеями сползают,
Из песка и камня вьются,
Узы странные плетутся:
Нас цепляют, нас пугают,
Из живых узоров свитых
Капы выросли, полипы,
Тянут пальцы к нам. И мыши
Пестрою ордою рыщут
Вереском, сухими мхами!
Всюду светляки мерцают,
Роем скомканным летают
И сбивают с троп огнями.

Но скажи, стоять дивиться
Или дальше нам стремиться?

Все здесь, кажется, теснится,
Скалы, ветви, все гримасы
Корчит, и огней проказы
Ложно множит и клубится.

Мефистофель:
Ухвати мой плащ сначала!
Мы достигли перевала,
Где ты будешь поражен,
Как в горе горит Мамон.

Фауст:
Причудливо мерцанье в почве,
Как будто тлеющий рассвет!
С ним в жерло пропасти и ночи
Броженьем проникает свет.
Там пар взошел,
клубится дымом,
Здесь в пекле марь, жара и мгла,
То вьется тонкой нитью длинной,
То бьется гейзером она,
То вольно льется, пролегая
В долине сетью красных вен,
А то сбивается густая,
Зажатая ущельем в плен.
То разлетятся вспышкой искры
Червонной крошкой и песком.
Смотри ж: на высоте скалистой
Зажжен утес одним броском!

Мефистофель:
Роскошно к торжеству, не просто
Мамон дворец свой осветил!
Ты счастье видеть ухватил.
И вот летят неистовые гости.

Фауст:

Какой могучий ураган!
Какою силой он ударил в шею!

Мефистофель:

Цепляйся за скелет скалы сильнее,
Не то в могильный мрак ты сгинешь сам.
Ночь наполняет туман,
Слушай, трещит по лесам!
Совы взлетают с испуга,
Слушай, колонны сбивает
Вечнозеленого зданья!
Ломка ветвей, воркованье!
И стволов могучих гуденье!
И в корнях зевота, скрипенье!
Страшно паденье и оседанье,
Скрежет и стоны у основанья!
Разбиты скалы, мрак зияет,
Ветра шипят и завывают.
Слышишь голоса чуть выше?
Иль вдали? Иль, может, ближе?
Да, вдоль всех окрестных гор
Льется дикий странный хор!

Хор ведьм:

На Брокен ведьмы в ночь летят,
В колосьях семена горят.
Сбивается толпа теней,
Князь Уриан воссел над ней.
А по камням, на метлах, в дол,
Смердят и ведьма, и козел.

Голос:

Старуха Баубо летит,
Да на свинье верхом сидит.

Хор:

Хвали достойных, восхвали!
Вперед же, Баубо! Веди!
Свинья и мать помчат туда
И следом ведьмина гурьба.

Голос:

Как ты сюда?

Голос:

Ильзенштайн я минула!
Дорогой в дупло я к сове заглянула.
Та очи таращит!

Голос:

К чертям бы собачьим!
Куда же ты скачешь?

Голос:

Мне кожу содрали:
Вы раны видали!

Ведьмы (хор):

Наш путь широк,
наш путь далек,
В безумной давке ведьм поток!
Уколы вил, метлой в живот,
Мать – на куски, задушен плод.

Колдуны (половина хора):

Наш брат улиткою ползет,
А бабы вырвались вперед.
Где зло, там женщина идет
На тысячу шагов вперед.

Другая половина хора:
Всерьез не примем этих слов!
Ей нужно тысячу шагов,
Спешить, бежать, еще рывок,
Мужчине – лишь один прыжок.

Голос (сверху):
Сюда, сюда скорей с озер!

Голос (снизу):
Хотим и мы на кручи гор!
Нагие, мы моемся, кожа бела,
Но мы бесплодны навсегда.

Оба хора:
Вот ветер стих, в бегах звезда,
И рада скрыться мглой луна,
Горенье источает хор,
Искрится, словно метеор.

Голос (снизу):
Стойте! Стойте!

Голос (сверху):
Кто там зовет в ущелье горном?

Голос (снизу):
Я же к вам, я же к вам!
Я лезу вверх три сотни лет
И не могу достичь вершины,
К своим добраться из лощины.

Оба хора:
Седлай метлу, хребет бревна,
На вилы сядь, седлай козла;

Кто не поднимется сейчас,
Пропащий навсегда для нас.

Полуведьма (внизу):
Я семеню так долго вслед,
Других давно в помине нет!
Волнуюсь и себя корю,
Но все никак не догоню.

Хор ведьм:
Мазь ведьмам бодрость придает,
Тряпье на паруса пойдет,
Корабль нам – любой ушат,
Кто не взлетел, уж не взлетят.

Оба хора:
Мы до вершины добрались,
Летите прочь, спускайтесь вниз,
Пусть луг среди скалистых гор
Теперь заполнит ведьмин хор.

Спускаются.

Мефистофель:
Теснят, бегут,
трещат, толкают,
Шипят, кипят,
влекут, болтают!
Искрят, воняют и горят!
Стихийный ведьминский парад!
Держись меня. Разъединят!
Да где ты?

Фауст (издалека):
Здесь!

Мефистофель:

Уж, верно, затолкали?
В хозяйские права вступаю.
Дорогу Воланду, эй, чернь, дорогу, кышь!
Хватайся, доктор! Вырваться бы лишь
Из давки прочь, не то затянет;
Вот бред! Здесь даже мне неловко станет;
Вон что-то там горит,
сияет странный блик,
В те заросли меня так манит,
Идем! Нырнем скорее в них.

Фауст:

Противоречья дух! Ты вел сюда добраться
И, кажется, мне с толком смог помочь,
На Брокен мы пришли
в Вальпургиеву ночь
Затем, чтоб ото всех теперь обособляться.

Мефистофель:

Смотри же, как цветисто пламя!
Здесь клуб веселый создан нами.
Один не будешь точно ты.

Фауст:

Но я б взошел до высоты,
Там все горит, клубится дым.
Толпа к престолу зла стремится,
Немало тайн должно открыться.

Мефистофель:

Немало тайн взойдут засим.
Пусть мир большой гудит, кружится,
Нам лучше в тишине сокрыться.
Давно заведено, смекни,

Весь этот мир большой дробится на мирки.
У юных ведьм свободна нагота,
А старые с умом прикрылись.
Любезен будь! Договорились?
Труд мал, а радость велика.
Вот зазвучали инструменты дружно!
Какая фальшь! Но с ней смириться нужно.
Пошли! Пошли! Иного не дано:
Войду туда с тобою заодно.
И познакомлю с кем-то новым.
Что скажешь, друг? Пред нами ширь какая!
Взгляни туда! И нет конца и края.
И нет числа огням, рядам костровым.
Пошли плясать, варить, любить и пить –
Скажи теперь, что может лучше быть!

Фауст:

Собрался, чтоб туда явиться,
Ты колдуном иль чертом обратиться?

Мефистофель:

Хоть я привык всегда инкогнито входить,
Но символ ордена на праздник должен быть.
Подвязки нет – равну, что есть,
Зато копыту здесь всегда большая честь.
Улитку видишь там?
Ползет и носом гладким
Нащупывает путь себе,
Меня разнюхала украдкой.
При всем желанье здесь не скрыться мне.
Идем же! От костров к кострам горящим;
Ты женихом, я сватом настоящим.

Подходят к нескольким сидящим
у тлеющих огней.

Ну, господа, что в стороне засели?
Вы были б молодцы в толпе,
на самом деле,
Средь юной, шумной толкотни.
И дома вы сидеть могли б одни.

Генерал:
Кто может нациям доверить?
Я им служил, завоевал почет!
Народ, как женщина, поверьте,
Всегда всему лишь юность предпочтет.

Министр:
Теперь забыл о правде человек,
Я прославляю дни былые,
Когда мы признанными были,
Был золотой, поверьте, век.

Parvenu:
Мы были неглупы притом,
Творили то, чего не смели,
Теперь все полетело кувырком,
Когда свое мы получить хотели.

Автор:
И кто возьмет и манускрипт прочтет
С глубоким, мудрым содержаньем,
Теперь-то только молодежь живет
Без мер завышенным самосознаньем!

Мефистофель (являясь на мгновенье дряхлым стариком):
Созрел народ для Страшного суда,
По ведьминской горе
последний раз взбираюсь,

Бочонок вин моих иссяк до дна,
Мир исчезает, растворяясь.

Ведьма-старьевщица:
Не проходите, господа!
Возможности не упустите!
Мои товары осмотрите:
Я уйму принесла сюда.
Нет в мире лавки, равной этой,
Здесь не найти такой предмет,
Который людям или свету
Не наносил огромный вред.
Кинжалов нет, в крови не обагренных,
Нет чаш таких, чтоб кто-то не испил
Из них отравы раскаленной,
Убора, чтобы деву не смутил,
Меча, какой в измене не сгодился,
Противнику бы в спину не вонзился.

Мефистофель:
Дух современный тетка не уловит.
Что было – было, то прошло!
К новинкам обратиться стоит!
Они влекут сильней всего!

Фауст:
Здесь позабудишься на деле!
Вот ярмарочное веселье!

Мефистофель:
Толпа бурлит и вверх взлетает,
Дави, толкай, тебя уже толкают.

Фауст:
Кто там?

Мефистофель:
Всмотрись-ка, кто она?
Лилит.

Фауст:
Кто?

Мефистофель:
Адама первая жена.
Так берегись
ее волос прекрасных,
Они – единственный ее убор.
Кого поймает ими, с этих пор
Уж не отпустит, и бежать напрасно.

Фауст:
Вон две сидят, старуха с молодою!
Натанцевались, видно, вволю!

Мефистофель:
Сегодня здесь какой покой?
Танцуют вновь!
Пойдем, давай за мной!

Фауст (танцуя с молодой):
Прекрасный сон явился мне,
Я видел яблоню во сне,
Два сладких яблочка на ней,
Я влез на яблоню скорей.

Красавица:
В вас тяга к яблочкам сильна,
Еще в раю вам суждена.
Я рада, что мои сады
Таких плодов для вас полны.

Мефистофель (танцуя со старухой):
Явился мне развратный сон,
Я видел дерево с дуплом,
Прогнило старое дупло,
Но мне понравилось оно.

Старуха:
Копыта рыцарь, вам поклон!
Готовьте кол, крепчает он,
Коль вам подарочек дупла
Боязни не внушил пока.

Проктофантасмист:
Проклятый сброд! Как смеете плясать?
Иль вам не доказали, может,
Что дух безног, и он стоять не может?
Вы ж вздумали, как люди, танцевать!

Красавица (танцуя):
Зачем же он пришел на бал?

Фауст (танцуя):
Ай! Он уж всюду побывал.
Чужие танцы осуждает,
Чуть кто шагнет, он слух пускает,
Что шаг такой никак не может быть.
А больше злит его лихая наша прыть.
Когда бы вы на месте закружились,
Как он на старой мельнице своей,
Он похвалил бы вас скорей,
Особенно когда б ему вы поклонились.

Проктофантасмист:
Вы здесь еще! Неслыханное, нет!
Исчезните! Наш просвещенный век!

Но чертовщине всякой не до правил,
Плевать на мудрость,
Тегель полон тварей.
Сколь долго я обман не выводил на свет,
Неслыханно! – А толку в этом нет!

Красавица:
Отстань, ты всем уж надоел, сдается!

Проктофантасмист:
Вам, духи, я в лицо скажу:
Я деспотизма духов не сношу!
Мой дух муштре не поддается.

Танцы продолжаются.

Ничто не ладно этой ночью;
Но я вернусь и доберусь до вас
И, я надеюсь, в мой последний час
С чертями и поэтами покончу.

Мефистофель:
И тут же он в большую лужу сядет:
Он получает облегченье так,
Пиявки же, всосавшиеся сзади,
От разума и духов исцелят.

Фаусту, переставшему танцевать.

Да что же ты красотку упускаешь,
Что песню сладко завела?

Фауст:
Ой! У нее при пенье изо рта
Мышь выскочила огненного цвета.

Мефистофель:
Не придирайся понапрасну,
Она была не серая – прекрасно!
Кто на свиданье думает об этом?

Фауст:
Я видел…

Мефистофель:
Что?

Фауст:
Мефисто, видишь там
Прекрасное дитя, что редкими шагами
Идет, не приближаясь к нам,
Закованы ноги ее кандалами.
Признаюсь, кажется мне в ней,
Что сходство с Гретхен есть моей.

Мефистофель:
Оставь ее! Там никого с душой,
Чарующий мираж, да идол неживой.
С ним лучше не встречаться вновь:
От пристального взора стынет кровь,
И камнем стать уж суждено,
Ты о Медузе слышал, быть должно.

Фауст:
Воистину, взгляд глаз уже умершей,
Глаз, не закрытых любящей рукой.
Но тело Гретхен в образе пришедшей,
Даривщей мне усладу в час ночной.

Мефистофель:
Да это колдовство!

Глупец, ты веришь вновь!
Ведь каждый видит в ней свою любовь.

Фауст:
Глаза блаженства и страданья!
Я взгляд отнять не в состоянье.
И алая на шее полоса
Ее как будто украшает,
Так тонок след ножа бывает!

Мефистофель:
Да! Знаю эти чудеса.
Персей ей голову срубил когда-то,
Теперь ее под мышку может прятать.
Тебя влечет один обман!
Пойдем вперед, на холм, вон там!
Веселый холм, что венский Пратер,
Коль нет обмана здесь душе,
Я вижу настоящий театр.
Так что же там?

Servibilis (Подлиза):
Сейчас начнем уже.
Седьмое представленье варианта;
Здесь ровно семь давать заведено;
Написанное дилетантом,
По-дилетантски сыграно оно.
Прошу прощенья, исчезаю:
По-дилетантски занавес поднять.

Мефистофель:
На Блоксберге таких встречаю,
Таким там место, только там и ждать.

Сон в Вальпургиеву ночь, или Золотая свадьба Оберона и Титании

Интермедия

Директор театра:

Нынче, Мидинга сыны,
Вольный день и ценный,
Дол сырой и срез горы
Станут нашей сценой!

Герольд:

Свадьба будет золотой
Через полстолетья,
Всех важней – ответ простой,
Золото на свете.

Оберон:

Духи, покажитесь, коль
Вы со мной на месте!
Королева и король
Нынче снова вместе.

Пук:

Даже Пук ползет сюда,
Еле волочится;

И за ним идет толпа
Тоже веселиться.

Ариэль:
Вывел Ариэль мотив
Песни поднебесной,
Всех звучаньем поманив:
Страшных и прелестных.

Оберон:
Молодым пример живой
И напоминанье!
Чтоб жила любовь, порой
Нужны расставанья!

Титания:
В браке ведьма и бирюк –
Не теряйте время.
Разведи – ее на юг,
А его на север!

Оркестр тутти (фортиссимо):
Мух и комаров поток,
Прочих оркестрантов,
И лягушка и сверчок –
Наши музыканты!

Соло:
Глянь! Волынка к нам в толпу!
Мыльный шар взлетает.
Только слышно ту-ту-ту!
Носом выдувает.

Дух, только начавший формироваться:

Жаба, то ли паучок,
То ли окрылился!
Не сложился хоть зверек,
А стишок сложился.

Парочка:
Семеним, да скок-поскок,
В душных росах тоже!
Но в прыжках какой же прок,
Раз взлететь не можешь.

Любопытный путешественник:
Маскарад застал врасплох?
Сон перед глазами?
Оберон, прекрасный бог,
Здесь сегодня с нами.

Ортодокс:
Ни когтей и ни хвостов!
Но кто бы усомнился,
Среди греческих богов
К нам и черт явился.

Северный художник:
Нынче творчеством моим
Лишь наброски стали.
Собираюсь все же с ним
К берегам Италии.

Пурист:
Ах! Зачем я, право, здесь?
Но не прийти – не мудро!
Только две из войска ведьм
Пользуются пудрой.

Молодая ведьма:
Пудру сыпать не по мне,
Старых бабок дело,
Я ж уселась на козле,
Обнажила тело.

Матрона:
Мы воспитанны, и вы
В спор нас не введете.
Юны, мягки и нежны,
Надеюсь, вы сгниете.

Капельмейстер:
Мух и комаров поток,
Голым быть бестактно.
Вы, лягушка и сверчок,
Не теряйте такта!

Фигляр (поворачиваясь
в одну сторону):
Общество, ну что за сбор:
Лучшие невесты!
Кавалеры на подбор,
Нет случайным места!

Поворачиваясь в другую сторону.

Не разверзнется земля
Поглотить всех разом,
Прыгну в преисподню я,
Чтобы скрыться сразу.

Ксении:
Как жуки пришли сюда,
Клешни и ножки дивны,

«Вечный папа, сатана»,
Ему воспели гимны.

Геннингс:
Гляньте-ка на молодцов –
Шутливы и беспечны!
Скажут все в конце концов,
Они добросердечны.

Музагет:
Я б не растерялся здесь,
Войско ведьм направил,
Их шабаш веселый весь
Словно б муз, возглавил.

Бывший гений своего времени:
Создают влиянья нас.
Так, за мной в лощины!
Есть в Германии парнас –
Блоксберга вершины.

Любопытный путешественник:
Кто ж та твердая рука?
Гордостью набитый;
Нюхом чует и пока
Ищет иезуитов.

Журавль:
Рыбку я ловлю в воде,
В мутной и в хорошей,
Можно в дьявольской толпе
Выловить святошу.

Светский:
Набожные лбы во всем

Видят врачеванье,
И на Блоксберге самом
Тайное собранье.

Танцор:

Новый хор идет сюда?
С дробью, громом, звоном.
“Тихо! Выпи в тростниках
Спелись унисоном”.

Танцмейстер:

Ну, коленца! Ну, балет!
Пляска вкруговую!
Крив и хром, и дела нет,
Как смотрятся, танцуя.

Скрипач:

Своих же ненавидит сброд,
Прикончил бы на месте.
Волынка вместе их сведет,
Орфея лира – бестий.

Догматик:

Сомненьями меня не сбить
Иль критикой с расчетом.
Ведь черт хоть чем-то
должен быть:
Откуда б взяться черту?

Идеалист:

Фантазия в уме моем
Царит, я не разумен,
Все чувствую в себе самом,
Так значит, я безумен!

Реалист:

Му́ка мистику и страх
Наблюдать воочью,
Я впервые на ногах
Стою не очень прочно.

Супернатуралист:

Рад я быть в таком кругу,
Вывод полновесный,
Глядя на чертей, пойму
Суть ангелов небесных.

Скептик:

Огонек вослед влечет
К сокровищам бессчетным,
Сомненья скептика, расчет –
Одна лишь рифма к черту.

Капельмейстер:

Вы, лягушки и сверчки,
Просто дилетанты!
Мухи, комары, жучки,
Вы же музыканты!

Ловкачи:

Sanssouci зовется полк
Развеселых тварей,
Сил уж нет идти у ног,
Встанем вверх ногами.

Недалекие:

Нахватали мы куски,
Существа простые!
В танцах сбиты башмаки,
Мы теперь босые!

Блуждающие огоньки:
Мы явились из болот,
Где зажглись в трясинах,
В блеске в этот хоровод
Ворвались картинно.

Падающая звезда:
Я скатилась с высоты,
И лучи искрятся.
Не поможете ли вы
Из травы подняться?

Массивные:
Эй, дорогу! Сторонись!
Духам тоже тесно,
Пригибая травки вниз,
Себе протопчут место.

Пук:
Эй, потише, вы, слоны,
Как в посудной лавке:
Видно всем со стороны –
Пук самый важный в давке!

Ариэль:
Если крылья вам даны
Духом и природой,
Вы за мной лететь должны
К замку Оберона!

Оркестр (pianissimo):
Только облаков гряда
Первый свет поймала,
Ветер, шелест тростника,
Вздох – и все пропало.

Пасмурный день. Поле

Фауст. Мефистофель.

Фауст:

В несчастье! В отчаянье! Покинутая всеми на земле, она теперь – в заточении! Посажена в тюрьму, как преступница. Милое создание – осуждена на страшные муки! Вот до чего дошло! Ничтожный предатель, ты скрывал это! Стоишь и смотришь на меня своими дьявольскими злобными глазами! Твое присутствие невыносимо, оно терзает меня! В тюрьме! В страшном горе! Отдана злым духам и на суд бесчувственным людям! А ты в это время услаждаешь меня пошлыми развлечениями, скрываешь надвигающуюся беду и оставляешь ее без помощи на погибель!

Мефистофель:

Она не первая!

Фауст:

Пес! Отвратительное чудовище! О дух бесконечный! Обрати этого червя вновь в собаку, в облике которой он прибегал ко мне по ночам и нарочно вертелся под ногами, если я шел неосторожно, и бросался на плечи, когда я спотыкался. Верни ему этот обожаемый им

облик, чтобы он ползал в пыли передо мною, а я бы топтал его ногами. “Она не первая!” Страшная беда для человеческой души! Ведь не одно такое создание сгинуло в бездне горя и несчастий, а та, что была первой из них, не довольно ли вынесла смертельного ужаса, чтобы искупить грехи всех последующих перед лицом Всепрощающего! Меня гложет беда этой единственной, а ты хладнокровно издеваешься над такой же судьбой тысяч других.

Мефистофель:

Ну, вот, мы вновь на той грани остроумия, за которой человек теряет рассудок. Зачем же ты связался с нами, если нас не переносишь? Хочешь лететь, но не уверен, закружится голова или нет? Мы тебе навязались или ты – нам?

Фауст:

Не скрежещи своими прожорливыми зубами! Меня тошнит от тебя! Великий и высокий дух, явившийся мне однажды, ты знаешь мое сердце и душу. Почему ты связал меня с постылым спутником, для которого зло – радость, а убийство – наслаждение?

Мефистофель:

Ты кончил?

Фауст:

Спаси ее! Или горе тебе! Злейшее проклятье на тебя на тысячи лет!

Мефистофель:

Я не могу спасти от возмездия, освободить из затвора. «Спаси ее!» – Но кто увлек ее в бездну погибели? Я или ты?

Фауст дико озирается.

Мефистофель:

Что, хватаешься за громы? Счастье, что они даны не вам, жалким смертным! Уничтожить невиновного и несогласного – так поступают тираны, когда их прижмут.

Фауст:

Отведи меня туда! Она должна быть свободна!

Мефистофель:

А опасность, которой ты себя подвергаешь? Знай, что кровавые следы твоих рук еще свежи в городе! Над местом убийства еще носятся духи мщения и ждут возвращения убийцы.

Фауст:

Еще и это ты навлек на меня? Смерть и проклятье всей вселенной на тебя, чудовище! Веди меня туда, говорю, и освободи ее!

Мефистофель:

Я отведу тебя, и послушай, что я могу сделать. Не все в моей власти на небе и на земле! Я одурманю тюремщика, ты же возьми ключ и выведи ее человеческой рукой! Я постерегу

снаружи, волшебные кони будут готовы, я умчу вас. Это я смогу.

Фауст:

В путь, скорее!

Ночь. Открытое поле

Фауст и Мефистофель мчатся
на вороных конях.

Фауст:
Зачем к месту казни слетелись они?

Мефистофель:
Не знаю, там варят, колдуют.

Фауст:
То взлетят, то слетят,
то, склонясь, вниз парят.

Мефистофель:
Это братство ведьм.

Фауст:
Кропят, посыпают.

Мефистофель:
Вперед! Вперед!

Тюрьма

Фауст со связкой ключей и лампой перед железной дверью.

Фауст:

Забытый страх владеет мною,
Всем горем мира сердце налилось,
Она вот здесь, за влажною стеною,
И преступленье ложью облеклось!
Что ж к ней войти все не решишься?
Увидеть вновь ее боишься!
Но промедленье смертью нареклось!
Хватается за замок.

Песня внутри:

Мать – блудница моя
Погубила меня,
И отец мой – подлец
Обглодал он меня;
А сестричка пришла,
Мои кости нашла.
В сырой земле молчу.
Я птичка лесная, я так хороша,
И лечу, и лечу!

Фауст (отворяя дверь):

Не ведает, что милый рядом снова,
Лишь цепь гремит над ней, шуршит солома.

Входит.

Маргарита (прячась на своем ложе):
Нет! Нет! Идут. И смерть моя!

Фауст (тихо):
О, тихо! Я пришел, свободна будешь!

Маргарита (бросаясь перед ним на колени):
Ты, человек, услышь меня!

Фауст:
Ты возгласами стражников разбудишь.

Начинает разбивать цепи.

Маргарита (на коленях):
Скажи, палач, кто дал тебе
Власть надо мною?
Ты в полночь уж пришел ко мне!
О, смилуйся, оставь живою!
Заря для казни чем плоха?
(она встает)
Ведь я еще так молода!
И умираю!
Была красива, в том и погибаю.
Был близок друг, теперь далек,
Цветы увяли, разорван венок!…
Больно! Не жми, не хватай ты меня!
Смилуйся! Что тебе сделала я?
Не дай взывать в мольбе пустой!
Пусть незнакома я с тобой!
Фауст:
Как выдержать такую боль?

Маргарита:
Мне власть твою не превозмочь!

Дай только накормлю малютку;
Ее качала я всю ночь;
Ее отняли, мне так жутко,
А, говорят, что я убила дочь.
Не будет радости со мной.
Сложили песню обо мне! О, злые люди!
У сказки есть конец такой,
В чем правда будет?

Фауст (становясь на колени):
Твой любящий у ног лежит,
Из тьмы тебя освободит.

Маргарита (падая рядом с ним на колени):
Зови святых, скорее, на колени!
Смотри, у тех ступеней
Жерло разверзла
Адская бездна!
Дух злобный
Воет, огромный!
Умру я с испуга!

Фауст (громко):
Гретхен! Гретхен!

Маргарита (прислушиваясь):
Это голос друга!

Вскакивает, цепи падают.
Да где ж? Он звал, я знаю это,
Свободна! Больше нет запрета.
Прижаться к милой шее,
К груди прильнуть скорее!
Звал меня: «Гретхен!» Стоял на ступенях,
Где завывали адские тени,

Сквозь чертовский и хохот, и вой
Я голос узнала любимый, родной!

Фауст:
Я здесь!

Маргарита:
Ты здесь! Сказать мне вновь нельзя ль?

Обнимая его.

Ты здесь! Ты здесь! И где моя печаль?
Где страх цепей, тюрьмы и заточенья?
Ты здесь! Пришел, мое спасенье,
Я спасена!
И улицу я вижу вновь,
Где встретила тебя, мою любовь,
Веселый сад на старом месте,
Где ждем тебя мы с Мартой вместе.

Фауст (увлекая ее):
Идем! Идем!

Маргарита:
Постой!
Мне мило, так мило с тобой.
(ласкается к нему)

Фауст:
Спеши!
Не поспеешь,
Так ты об этом горько пожалеешь!

Маргарита:
Как! Целовать уж не умеешь?

В разлуке ты не долго был,
Поцелуи забыл!
И отчего дрожу в твоих руках?
Ведь раньше
и в словах твоих, во взорах
Я утопала, словно в небесах.
Ты целовал, душил в объятьях словно.
Целуй меня!
Коль нет, так я!

Обнимает его.

О, нет! На губах твоих лед!
Пусты.
Где любовь потерялась,
Осталась?
Нет во мне красоты?

Отворачивается от него.

Фауст:
Идем! За мной! Любимая, смелей!
Я охвачу огнем любви своей;
За мною лишь! Я об одном молю!

Маргарита (оборачиваясь к нему):
А, это ты? Тебя ль я узнаю?
Фауст:
Да, я! Идем!

Маргарита:
Да ты оковы снял,
К себе прижал, меня обнял.
Как облик мой тебя не устрашил?
Ты знаешь ли, кого освободил?

Фауст:
Идем! Уж начало светать!

Маргарита:
Это я свою убила мать
И утопила дитя.
Та доченька моя… твоя?
Твоя! Ты здесь! Не верю. Он!
Дай руку! Это был не сон!
Твоя рука! Ах, влажная она,
Сотри с нее! Как мне видна
Эта кровь!
Ах, Боже! Что сделал ты вновь!
В ножны клинок вложи!
Молю я тебя!

Фауст:
Оставь, что было, то прошло!
Меня ты убиваешь.

Маргарита:
Нет, нет, живи, мой милый!
Тебе опишу я могилы,
Позаботься об этом
С рассветом:
Маму в лучшем месте успокоишь,
Брата рядом с родимой укроешь,
А меня в стороне,
Только невдалеке!
И малышку справа на груди моей!
Другие со мной не ложатся!
Ласково к тебе прижаться –
Вот было б счастье для меня!
Больше уж это прожить не придется,
И тяжко быть с тобою, мне сдается,

Как будто отвергнешь ты прочь от себя.
Но это ты, исполнен взгляд добром.

Фауст:
Коль узнаешь меня, идем!

Маргарита:
Прочь, туда?

Фауст:
На волю.

Маргарита:
Могила, плита,
Там смерть моя, ну что ж идем!
Отсюда в извечный покой,
И дальше ни на шаг!
Уж ты идешь?
О, Генрих, мне б с тобой!

Фауст:
Ты можешь! Лишь изволь!
И дверь открыта.

Маргарита:
Нет! Мне нельзя; надежда позабыта.
Зачем бежать? Меня ведь стерегут.
Беда и мука бедствовать с сумою,
Еще с тяжелой совестью больною!
Да, на чужбине с горя пропадают,
И все равно они меня поймают!

Фауст:
С тобой останусь.

Маргарита:
Беги, беги!
Бедную дочку спаси!
Там, где поток
Ручья холодный,
Через мосток,
Через лес, туда,
Слева, доска лежит,
Там, у пруда,
Сразу схвати!
Она всплывает!
Она жива!
Спаси! Спаси!

Фауст:
Очнись ото сна!
Один лишь шаг, и ты вольна!

Маргарита:
Была уж позади гора!
Там мама на камне холодном сидит
И головой качает:
И мне не кивнет, голова тяжела,
Так долго спала, не проснется она.
Спала, чтоб мы были одни.
То были счастливые дни!
Фауст:
Мольбы, слова напрасны будут,
Так силой увлеку отсюда.

Маргарита:
Пусти! Я не стерплю насилья!
И не хватай так ужасно меня!
Я делала все, я любила тебя.

Фауст:
День брезжит! Любимая! Любимая!

Маргарита:
День! Да, это день! Он последний из дней;
Он был бы днем свадьбы моей!
Молчи, что у Гретхен ты был!
Горе веночку!
Беда и любовь!
Мы увидимся вновь,
Только не в танце.
Толпа теснится глухо, мало мест,
Проулки, площадь
Не сдержат мощи.
Бьет колокол, и палки треск.
Уж влекут меня и хватают!
И к плахе толкнули, пора,
Над каждою шеей взмывает,
Блестя, острие топора.
Мир, как могила, затих!

Фауст:
Не вынести печали!

Мефистофель (в дверях):
Скорее! Или вы пропали!
Пустые страхи! Медлят, говорят!
Мои кони дрожат,
И утро занялось.

Маргарита:
Что там из земли поднялось?
Прогони! Это он! Это он!
Что он хочет на месте святом?
Явился за мной!

Фауст:
Ты жить должна!

Маргарита:
О, Божий суд! Тебе я предана!

Мефистофель(Фаусту):
Идем! Не то оставлю с ней тебя!

Маргарита:
Твоя я, Отче! Спаси меня!
Вы, ангелы, войско святое!
Спасите, пребудьте со мною!
Генрих! Ты страшен мне!

Мефистофель:
Она осуждена!

Голос (свыше):
Спасена!

Мефистофель (Фаусту):
Сюда, ко мне!

Исчезает с Фаустом.
Голос (изнутри, замирая):
Генрих! Генрих!

Конец первой части трагедии

Содержание

Введение 5
Вступление 25
Театральный пролог 27
Пролог на небесах 35
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРАГЕДИИ 40
Ночь 40
Перед воротами 57
Кабинет Фауста I 72
Кабинет Фауста II 86
Погреб Ауэрбаха в Лейпциге 108
Кухня ведьмы 125
Улица I 139
Вечер 143
На прогулке 149
Дом соседки 152
Улица II 162
Сад 165
Садовый домик 174
Лес и пещера 176
Комната Гретхен 183
Сад Марты 185
У колодца 192
У городской стены 195
Ночь. Улица перед домом Гретхен 197
Собор 205
Вальпургиева ночь 208
Сон в Вальпургиеву ночь, или Золотая свадьба Оберона и Титании. Интермедия 225
Пасмурный день. Поле 233
Ночь. Открытое поле 237
Тюрьма 238

Иоганн Вольфганг Гёте

ФАУСТ

Трагедия
Часть первая

Перевод с немецкого О. Тарасовой

Издательство «Общество сохранения литературного наследия» («ОСЛН»)

Подписано в печать 02.02.15. Формат 84x108/32
Печ. л. 7,75. Тираж 1000 экз. Заказ 663

Отзывы от читателей будут приняты с благодарностью.
Адрес для писем:
Москва, 109044, а/я 22; e-mail: litnas@mail.ru

«ОСЛН» • www.osln.ru • www.knigaln.ru
Тел. 8(495) 589-81-33, тел./факс 8(495) 691-99-64

ISBN 978-5-902484-70-7